

Т Ъ Е Р Р И
К О Э Н

я сделаю это
для тебя

Может ли месть вернуть любовь?

Тьерри Коэн

Я сделаю это для тебя

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Коэн Т.

Я сделаю это для тебя / Т. Коэн — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-93235-1

Даниэль и Бетти очень любили друг друга. Иначе как объяснить то, что Бетти, блестящая студентка юрфака, выбрала в спутники человека из низов, который даже – было дело – вместе со своими друзьями преступал закон. Казалось бы, их счастьем ничего не могло помешать: у Даниэля успешная карьера, они воспитывают двоих сыновей. Но все рушится в один день: старший сын, Жером, погибает во время теракта. Отныне Даниэль живет одной мыслью: отомстить тем, кто отнял у него сына. Он уверен: только так он вернет любовь Бетти и успокоит свое рвущееся на куски сердце.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-93235-1

© Коэн Т., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	6
Даниэль	8
Жан	13
Даниэль	14
Жан	21
Даниэль	22
Жан	26
Даниэль	28
Жан	32
Даниэль	33
Жан	36
Даниэль	37
Жан	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тьерри Козн

Я сделаю это для тебя

Thierry Cohen

Je Le Ferai Pour Toi

Copyright © Editions Flammarion, Paris, 2009

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Полный страсти, неожиданных поворотов сюжета роман одного из самых известных французских писателей.

Искренность, глубина, неожиданные повороты сюжета и страстная, всепобеждающая любовь – все это в романе Тьерри Козна.

Тьерри Козн написал свой первый роман «Я выбрал бы жизнь» при трагичных обстоятельствах: его лучший друг покончил с собой, и Козн вложил в роман все отчаяние, всю тоску. Искренняя и талантливая, эта книга стала бестселлером. Сегодня она переведена на 20 языков, продано 170 тысяч экземпляров. Последующие романы Тьерри Козна неизменно становились бестселлерами. Ему нет равных в искусстве создания увлекательного сюжета и колоритных, запоминающихся образов. Его герои бесстрашно вступают в поединок с судьбой, и следить за этим противостоянием невероятно интересно.

Фламмарион

Жислен

Моему вдохновению

Солаль, Джонасу, Ялон и Амьель

Моей силе

Пролог

Я ничего не почувствовал.

Разве что сильную воздушную волну. Нет, не так. Больше всего это напоминало мощный удар кулаком в живот и в лицо, только больно не было.

Мужчина сел в автобус на остановке «Флерюс» и сразу показался мне странным. Он был похож на бесноватого. На человека, встретившего дьявола и не знающего, гонится тот за ним или отстал. Глаза у него были как у маньяков в фильмах ужасов, и он что-то беспрестанно бормотал. Но в Париже полно людей со странностями. Я и сам иногда бываю странным. На свой манер.

Я испугался, когда мы встретились взглядами. Он как будто удивился и рассердился, что я еду в автобусе. Я думал, он со мной заговорит. Скажет, например, так: «Не годится ездить в автобусе одному, малыш! Давай выходи, пока я тебя не вздул!» Я не понимал, с чего дядька так разозлился, и решил, что он вообще не любит детей или... слишком сильно любит, если вы понимаете, о чем я. Мама все время рассказывает мне о психах, которые обижают детей, и велит быть начеку.

Вообще-то, я не трус. Ладно, признаюсь: когда брат прикидывается в темноте привидением, я делаю вид, что мне все нипочем, но он так классно играет, что я в конце концов все-таки пугаюсь! Но этот тип... Я начал жалеть, что поехал на автобусе, а не пошел домой пешком, потому что папа с мамой не хотят, чтобы я так поступал. Слишком много улиц надо переходить. Слишком опасно.

Опасно: смешно, да?

Не-а, не смешно, даже не забавно.

Я подумал: может, пора применить правило номер три «кодекса поведения ребенка, который остался в городе один» – так его называет папа. Правило номер три гласит: «Если чувствуешь угрозу, сразу подходишь к какой-нибудь старушке и просишь помощи». Но, во-первых, автобус был набит до отказа, а единственная старушка сидела рядом со мной и дремала, во-вторых, у этой самой старушки все лицо было в морщинах, а подбородок зарос волосами, и она пугала меня почище того человека. В-третьих, мне ничто не угрожало, испугался я только потому, что взгляд у мужчины был странный, он разговаривал сам с собой и то и дело на меня поглядывал.

Будить старую даму я бы не стал ни за что на свете, проехать оставалось несколько остановок, ну, и я бросил себе вызов: «Досчитаешь до трех, поднимешь глаза и будешь смотреть на него, пока он первым не отведет взгляд. Сумеешь, значит, ты мужчина!» Я люблю вот так себя испытывать. Глупо бояться человека только потому, что он похож на зомби и сам с собой разговаривает. Я набрал в грудь воздуха, сильно выдохнул, посчитал – раз, два, три – и посмотрел, но опоздал: ему больше не было до меня дела. Он повернулся лицом к двери и как будто говорил со своим отражением в стекле.

Автобус подъехал к остановке «Национальное собрание». Тут-то и начался полный кошмар! Двери открылись, и психованный маньяк что-то проорал. Не знаю что. Что-то вроде «у! ля, ля, Карамбар!». Знаю, знаю, он не это кричал, я не полный болван! Можешь вообразить человека, убивающего целый автобус людей из-за какого-то там Карамбара? Смешно? Не-а, даже не забавно.

Его крик меня ужас как напугал. И других пассажиров тоже. Все на него посмотрели. Некоторые, наверное, поняли, и глаза у них стали как в ужастиках. Я успел все это увидеть, потому что бомбу он взорвал не сразу, а через секунду или две. Секунда? Две? Не знаю, трудно сказать, да это и без разницы.

Вообще-то, я был бы не против взглянуть на бомбу. Я любопытный, мама мне все время это говорит! Не каждый день выпадает шанс увидеть бомбу. И далеко не каждый день тебе швыряют бомбу в рожу.

Смешно, да?

Знаю, знаю...

Все происходит совсем не так, как в кино. Никакого тебе «бум-трах-тарарах», никакого дыма, никаких криков и стонов. Во всяком случае, те, кто умер на месте, не кричат от боли. Взрыв – это яркий, ослепительный свет и воздушная волна, от которой перехватывает дыхание... Навсегда.

Мужик с безумными глазами напугал меня своим диким воплем, хоть я и не понял ни слова, а потом убил меня, но я бы хотел посмотреть ему прямо в лицо, по-мужски, и сказать: «Эй, придурок, мне даже не больно!»

* * *

Моя жизнь закончилась в тот день, когда моего сына разорвало на куски. На каждом клочке его плоти был запечатлен момент моей жизни, уничтоженный бомбой и огнем. Тысячи обрывков существования, вплавившихся в асфальт и сталь среди множества чужих останков.

Я не могу собрать их воедино. Они мне больше не принадлежат... почти не принадлежат.

Но некоторые придется эксгумировать и попытаться восстановить ускользнувшую от меня историю.

Я должен рассказать эту историю ему и всем тем, кто останется жить и должен будет смириться с нашим отсутствием. Тем, кого я люблю и кого больше не увижу. И себе тоже. Я не могу допустить, чтобы безумие разъело мой мозг прежде, чем я буду готов.

Я употребляю последние проблески сознания, собираю фрагменты воспоминаний и расскажу о своей жизни и смерти.

Моя жизнь: годы до проклятого дня. История в прошедшем времени, которая сегодня кажется мороком.

Моя смерть: мгновения боли, все так же яростно атакующие рассудок.

Те, кто будет однажды читать мои записи, возможно, отыщут смысл в этой истории. Я не могу.

Даниэль

Он сидит на бортике бассейна, опустив ноги в воду, сгорбившись, как маленький старичок, и грызет ноготь на большом пальце. Он один и одинок. Мне хочется кинуться, обнять его.

Я иду – медленно, жестокий спазм перехватил горло. Его силуэт постепенно выплывает из темноты. Я сажусь рядом, спиной к воде. Он не реагирует, продолжает терзать свой палец.

– Тебе грустно?

Он слегка передергивает плечами.

– Я вижу, что тебе грустно.

– Сегодня мамин день рождения, – отвечает он.

– Знаю. Но у нас не было настроения...

– Она не задула свечи, так что день рождения невзаправдашний.

– У нее болела голова. Она поднялась к себе – решила немного отдохнуть – и, должно быть, заснула.

Он хмурит брови.

– Она плакала. Зарылась головой в подушку, чтобы вы не слышали, и плакала.

– Я слышал.

Он смотрит на свой палец, потом снова сует его в рот.

Мой любимый мальчик.

Желтый свет из гостиной падает на террасу, создавая обманчивое впечатление тепла и благополучия.

– Это был ненастоящий день рождения. Все грустили. Ни свечей, ни торта, – огорченно бросает он.

– Мы по тебе скучаем.

Он улыбается. Нежно, показывая, что понимает.

– Не люблю, когда мама плачет. Не хочу слышать. Ее плач напоминает крики раненого зверя, которому очень больно.

– Ей очень больно, Жером.

– Не хочу этого слышать. Сначала она всхлипывает. Потом становится тихо, она молчит, очень долго, и как будто не дышит... а потом раздается крик.

– Жалоба.

Он кивает.

– Иногда бывает страшно. Мамин плач похож на вопль призрака.

Он умолкает, но лицо тут же озаряется солнечной улыбкой.

– Знаешь, когда мы с Пьером играли, он часто издавал такие вопли. Я трясся от страха, а он веселился.

Я воображаю эту сцену, улыбаюсь, и мне становится чуточку легче дышать.

– Помню. Я его за это ругал.

– Ага. Но это была просто игра. Мы с Пьером здорово играли.

– Тебе этого не хватает?

Он пожимает плечами.

– Нет. Я все еще играю. Ну, иногда. У меня не так много времени. Я все еще с вами. Но без игр с Пьером скучно.

– Неужели? Но вы так часто ссорились!

– А вот и нет! Вовсе не часто.

Он поднял голову и распрямил плечи.

– Мы играли часами – в нашей комнате, в саду. Было очень весело. Иногда ссорились, но редко. Родителям кажется, если дети ссорятся раз или два в день, это караул! Но в последнее время вы с мамой... вы все время кричите друг на друга.

Я растрогался.

– Ты прав. Теперь я тоскую даже по вашим спорам.

Пьер продолжает играть в футбол. Стучит мячом о стену. Он повеселел. Мальчик сильнее нас.

– Ты видишь лишь то, что хочешь видеть, папа. Пьер не в порядке. Он выходит поиграть, чтобы сбежать от вас, а мяч пинает, чтобы дать выход накопившейся внутри злости.

– Откуда ты знаешь?

Он смотрит на меня с укором: я его разочаровал.

– Прошу тебя, папа, не задавай больше таких вопросов.

– Прости. Я удивлен. Я думал... Пьер выглядит таким... сильным.

Он раздосадованно качает головой.

– Сильным... (Он хмыкает.) Пьер, как всегда, изображает крутого. А сам плачет втихаря – как ты. В хижине, в глубине сада.

Эта картина терзает мне сердце.

– И вечерами, в постели. Он целует вас на ночь, улыбается, потом ложится, натягивает одеяло на голову, зовет меня, говорит со мной, зовет и... плачет.

– Зачем ты это говоришь? Мне так больно...

Он снова качает головой.

– Я говорю, потому что ты приходишь, чтобы услышать это.

– Вовсе нет. Я прихожу поговорить с тобой.

Он переводит взгляд на воду.

– Ты растравляешь рану, потому что ищешь другой способ выразить горе. Ты кидаешься на колючую проволоку, но не для того, чтобы убежать: ты хочешь пораниться и истечь кровью.

Я задумываюсь. Со мной говорит ребенок. Мой ребенок. Говорит как взрослый. Его зрелость всегда меня удивляла. Детские игры, детская речь, детский смех и взрослые размышления. Иногда его слова казались мне неуместными, даже нелепыми. Я восхищался, но и тревожился. Случалось, я говорил Бетти: «Этот ребенок не от мира сего». Ирония судьбы. Он был в нашем мире «проездом».

– Жером, я не знаю, нужно ли... Думаю, ты больше не должен возвращаться.

Я тут же пожалел о сказанном: нет сил смириться с его уходом. Не сейчас.

Он не отвечает. Он понял.

– Возвращайся в дом и ложись спать, папа.

Я не засну. Знаю, что не засну, но следую его совету и встаю.

– А ты что будешь делать? Надеюсь, здесь не останешься?

– Почему?

– Один в темноте, у... бассейна.

Он прячет улыбку.

– Я не в темноте. Тут нет ни дня, ни ночи, ни света, ни тьмы.

– Конечно. Но как подумаю, что ты сидишь тут совсем один... Я не могу...

– Ладно, я уйду. А теперь возвращайся в дом.

Я делаю несколько шагов в сторону террасы. Он окликает меня:

– Папа...

– Да, сынок?

– Я бы хотел... поцелуй маму. Скажи, что я ее люблю. (Он колеблется.) Нет, ничего не говори. Просто поцелуй в щеку.

- Хорошо.
- Спасибо.
- Когда вернешься?
- Когда понадобится.
- Ты нужен мне всегда.
- Я приду, когда возникнет нужда.

Бетти вздрагивает, когда я касаюсь ее щеки. Она приняла снотворное и забылась глубоким тяжелым сном, но отбивается от меня и во сне.

Я ложусь рядом и упираюсь взглядом в потолок.

Видит ли нас Жером?

Знает ли, о чем я думаю?

Догадывается, что собираюсь сделать?

* * *

«Салливан и партнеры, консультационное агентство по связям с общественностью». Я на мгновение замираю перед табличкой из полированного дюрала – она так же претенциозна, как и само здание, расположенное у въезда на остров Жатт. Делаю глубокий вдох, пытаюсь обрести спокойствие: оно мне понадобится, чтобы пережить ждущее меня испытание. Толкаю дверь офиса, и время на мгновение останавливается. Я улавливаю эмоции окружающих: неловкость, участие, жадное любопытство. Потом все вокруг начинают двигаться в ускоренном ритме, словно желая наверстать упущенное. Взгляды присутствующих устремляются на меня – как бы между прочим: вежливое безразличие, радость от новой встречи, кивки, приветствия, улыбки. Ролевые игры. Натужные усилия.

Они знали, что я выхожу этим утром на работу, хотели меня видеть, искали на моем лице, в манере держаться следы пережитой драмы. Они – коллеги отца жертвы. Это дает им привилегии.

Привилегию комментировать, рассказывать: «Видел Даниэля, ужасно выглядит!», «Совершенно подавлен», «Хорошо держится», «Какое мужество!», «Бедняга так похудел»...

Я все стоически переношу. Минимум информации. Улыбка в ответ, сдержанное приветствие. Но время караулит за углом, а коридор кажется бесконечным. Шагнуть вперед, улыбнуться, еще шаг, кивок, новый шаг, глоток воздуха... И вот наконец дверь моего кабинета. Поворачиваю ручку, вхожу. Знакомый, привычный запах действует как удар под дых, я падаю в кресло, ослабляю галстук. Ничего не изменилось. Папки лежат там, где я их оставил.

На столе – план работы и записочки. Сцена совершенно ирреальная. Я смотрю, и мне кажется, что она относится к совершенно другому времени, такому давнему, где меня забыли. Я как будто на мгновение вернулся назад. В один из мартовских четвергов. Телефон не звонит. День закончится, и я вернусь домой, к жене и сыновьям.

Но чудесная греза тут же отталкивает меня, я снова в кабинете. Я здесь чужой. Напоминаю артиста, стоящего на сцене, среди декораций, после спектакля. Некто похожий на меня работал здесь, из кожи вон лез, чтобы протолкнуть свои идеи, достичь своих целей, быть оцененным одними и внушить страх другим. Этот некто играл в жизнь. Не я. Я здесь не жил. Был всего лишь элементом системы, которая могла бы обойтись и без меня – и обошлась. Я выжил в кораблекрушении и смотрю, как уходят под воду обломки корабля. Да, была жизнь, и я в ней участвовал. Да, случилась драма. Да, я выжил. Нет... это был не я. Прежний я умер в тот самый день.

Мне здесь больше нечего делать. Нужно встать и выйти. И не возвращаться. Но я не могу. Нужно заняться работой, сделать вид, что прихожу в себя. Это часть моего плана.

Легкий шум за дверью. Появляется Беранжер с чашкой кофе.

– Здравствуйте, Даниэль.

Она, наверное, не сразу решилась войти, пыталась «сделать лицо», мысленно настраивала голос на нейтральный тон. Ее выдают руки и легкое подергивание в уголке рта у верхней губы.

– Здравствуйте, Беранжер.

– Рада вас видеть.

– Спасибо.

Она ставит передо мной чашку, расплескав немного на блюдце. Неловкое движение пробивает брешь в хрупкой броне самообладания. Она на мгновение поддается панике, не сразу осмеливается взглянуть на меня, снова опускает глаза, краснеет и спрашивает, пытаясь справиться с собой:

– Как вы? – Но тут же жалеет о своем вопросе, прикусывает губу – ответа ждать не приходится. – Я добавила немного сливок, как обычно.

– Спасибо.

Она выпрямляется, идет к двери, но на пороге оборачивается. В глазах у нее стоят слезы.

– Мне так жаль, Даниэль. Я хотела сделать вид, что все... нормально. Но... мы все так...

– Спасибо, Беранжер.

Она удивлена холодностью моего тона. Хочу, чтобы она ушла. Исчезла, пока моя ярость не выплеснулась наружу. Я ненавижу ее за эти слезы. Я не нуждаюсь в слезах!

Я вернусь к этой чертовой работе. Буду продавать, что скажут, находить креативные концепты, придумывать гениальную рекламу и уморительные слоганы, обедать с клиентами, улыбаться... буду играть свою роль!

Я просматриваю план. Совета директоров не будет. Мой патрон, Салливан, избавил меня от этого испытания. Предпочел более интимную встречу за обедом. Воображаю, как он принимал это решение. Придумал две или три красивые фразы – настолько красивые, чтобы я оценил его человечность. Витиеватые тирады, возвышающие его над другими смертными с их мелкими, приземленными интересами, докажут, что он по праву занимает свою ступеньку иерархической лестницы. Он мысленно отрепетировал сцену: отеческая, покровительственная манера, несколько слов утешения, быстрый переход к обсуждению рабочих дел, жизнь продолжается, работа лечит, у меня все впереди, доверие коллег, борьба за инвестиции.

Я всегда ясно видел ничтожность одержимых властью и богатством людей – единственный полезный навык, оставшийся от бурной молодости. Он позволял мне быстрее перестраиваться, различать истинные мотивации всех и каждого. Трудная или позолоченная молодость, некрасивость, недолюбленность, комплекс неполноценности или превосходства, потребность в признании и жажда власти, желание любви и восхищения. Типические, легко разгадываемые схемы. Большинство не голодали. Они никогда не боялись ни нужды, ни побоев, всегда умели спланировать свою жизнь. Научился это делать и я: повышение, комфорт, статус, умение подбирать слова, нужные знакомства, знаки отличия и иногда – круг чтения.

Я в отличие от них двигался вперед, чтобы не упасть. Как велосипедист на проволоке на высоте пятидесяти метров над землей. Я изжил свой страх, прежде чем заняться делом.

Мелкие начальники – честолюбивы, заносчивы. У них одно желание – видеть в глазах подчиненных отражение своей власти. Я в итоге нашел решение: нужно как-то изловчиться и попытаться их уважать – во всяком случае, настолько, чтобы возникло желание взять над

ними верх. Вот так, незаметно, я уподобился им, а потом стал одним из них. Так было до того дня, когда...

* * *

На моем столе стоит фотография в рамке.

Помню тот день, когда Бетти дала мне ее. В этом жесте было столько веселой подначки, что я не смог отказаться.

«Кабинет, семейное фото», – с юмором произнесла она. Я не сразу достал рамку из кейса, но глаза сыновей на снимке согрели мне душу и решили дело. Я признал правоту жены. Ирония. Ирония как смазка, чтобы было проще уговорить себя. Я не был одним из идиотов, бахвалящихся трофеями. Я был отцом семейства – счастливым и ироничным.

Жером смотрит со снимка так, словно хочет привлечь мое внимание. У него отрепетированная улыбка и «специальное» выражение лица, прядь светло-каштановых волос изящно падает на глаза. Тонкие черты, нежный рот, почти женская красота. Пьер выглядит гораздо уверенней, у него вид победителя. Он очень похож на старшего брата, только лицо жестче – сразу видишь, каким он станет, когда повзрослеет. Я вдруг осознаю, что почему-то никогда не представлял себе Жерома взрослым.

За спиной Пьера и Жерома стоит Бетти, ее нежная красота светится в манящем взгляде. Бетти – идеальная жена и идеальная мать. Она всегда выглядела неуязвимой, казалось, никакая сила не способна омрачить ее нежное лицо и стереть с него горделивую улыбку.

Фотография образцовой семьи.

Трофей. С чего я взял, что отличаюсь от остальных? Почему поддался гордыне и счел, что ирония может стать образом жизни?

Фотография на моем столе – свидетельство моего поражения.

Жан

Человек приставил дуло пистолета ко лбу бродяги, и холодная сталь разбудила его. В первый момент он подумал, что ему снова приснился кошмар. Тот самый, что терзал его все эти последние годы. Но головная боль, пульсирующая в висках кровь, ужасный вкус во рту свидетельствовали, что он проснулся и все происходит наяву.

Бродяга попытался отодвинуться.

– Твое имя? – спросил человек с пистолетом.

Бродяга сдвинул брови. Стоявший перед ним мужчина в черной одежде был высоким и крепким, лыжный шлем с прорезями для глаз скрывал лицо. За его спиной стояли еще двое: один – маленький, тщедушный, одетый, как и главарь, во все черное, – нервно следил за улицей, второй, среднего роста, спокойно наблюдал за происходящим, положив руку на дверцу грузовичка.

– Твое имя! – повторил главный и придвинул оружие к лицу бродяги.

Тот улыбнулся и сказал, помедлив мгновение:

– Поэт. Так меня тут называют. В самом начале я разговаривал сам с собой и плакал. Когда человек плачет, бормочет, смотрит на мир выцветшими голубыми глазами и ведет себя тихо, улица считает его поэтом. Люди лишены воображения.

– Назови свое имя! – приказал бандит.

– Жан Ларив. Хотите увидеть мои документы?

Он кивнул на лежавший рядом с ним мешочек. Мужчина с пистолетом схватил его, достал удостоверение личности, проверил и повернулся к сообщнику. Тот пожал плечами и знаком подозвал третьего, который взглянул на документ и посветил фонарем в истощенное, заросшее бородой лицо Жана.

– Довольно, прекратим бесполезную игру. Вам нужен именно я, – спокойно произнес Жан.

Короткое мгновение человек с фонарем изучал его лицо, потом кивнул, вернулся к машине и открыл заднюю дверцу.

– Долго же вы меня искали, – съязвил бродяга, пытаясь справиться со страхом. – Разочарованы? Не ожидали увидеть жалкого пьяницу?

– Поднимайся! – велел главарь.

Жан не пошевелился. Он хотел умереть здесь, среди грязных коробок.

– Заткни пасть и вставай!

– Я никуда не пойду, убивайте прямо тут.

Ему показалось, что человек в маске колеблется, не зная, как поступить.

– Не беспокойся, сюда никто не заходит, – со смешком успокоил Жан. – Во всяком случае, в это время суток. Можешь меня шлепнуть, ни одна собака не услышит.

– Если не подчинишься, мы примемся за твою семью! – взорвался его собеседник.

Жан вздрогнул. Его семья?

– У меня никого нет, я одинок как перст, – неуверенно пробормотал он.

– То, что ты бросил родных, еще не означает, что они исчезли. Мы легко их отыщем.

У Жана закружилась голова, и дело было не в похмелье.

– Не трогайте их! – закричал он. – Они совершенно ни при чем.

– Не тронем... если пойдешь с нами.

Жан встал.

Третий член группы уже сидел за рулем. Вооруженный главарь надел Жану наручники, заткнул рот кляпом, натянул на голову капюшон и швырнул в грузовик.

– Ну вот и все, подонок! – буркнул он.

Даниэль

Глаза скользят по страницам газеты. Читать не хочется. Не хочется пить кофе. Не хочется смотреть на измученное усталостью лицо Бетти. После похорон мы ни разу не посмотрели друг другу в глаза.

Небрежно сколотые волосы и мятый халат говорят о том, в какое беспомощное состояние она впала. Она не следит ни за одеждой, ни за лицом. Погружается в пучину своего горя, тонет в нем.

Сейчас Бетти стоит у плиты, скрестив руки на груди, и делает вид, что караулит молоко.

Время от времени она бросает на меня взгляд исподтишка, отмечает, как я одет, как веду себя, и это подпитывает ее ненависть. Она ненавидит меня за то, что я не выставляю свою боль напоказ и не погружаюсь в пучину отчаяния на пару с ней. За то, что я вернулся к работе. Я хотел бы рассказать жене о своем бессилии и о той пародии, которую вынужден разыгрывать, но молчу. Молчу, чтобы защитить ее.

Она поймет – потом, позже.

Я переворачиваю страницу и едва не захлебываюсь от ярости: мой враг, чудовище, погубившее Жерома, что-то вещает, брови грозно насуплены, указательный палец, как перст указующий, поднят к небу. Фотография самая четкая из всех, что я прежде видел. Мои руки сжимаются в кулаки, глаза прожигают газету насквозь, я почти не дышу, как будто хочу шагнуть на снимок и оказаться рядом с ним. Встать напротив. Мне знакома каждая черта его лица. Я видел только фотографии, но он живет в моем мозгу. Я «озвучил» его, наделил манерой держаться, криком, словечками, ругательствами. Уверен, что угадал. Я не оскорбляю и не проклиная его. Не трачу попусту свой гнев – пусть копится, сгущается и ждет своего часа.

В кухне появляется Пьер, прерывая мои мучительные размышления.

– Привет, па, – произносит он противно-тягучим голосом.

– Привет.

Я обнимаю его, глажу по спине, пытаюсь притянуть к себе, но он не дается.

– Привет, ма.

Он ждет, что она обернется, делает вид, что ищет что-то в ящике рядом с ней, но в конце концов сдается, садится и упирается взглядом в стол.

Мною овладевают гнев и печаль. Как она может настолько не замечать сына? Он избегает меня, но жаждет общения с матерью. Пьер не раз слышал, как после случившегося Бетти в припадке злобы и страдания жестоко упрекала меня. Неужели он тоже считает меня ответственным? Пьер принял сторону матери. Возможно, он хочет ее утешить, но Бетти этого не видит, она просто не способна на проявление чувств.

Боль разделила нас. Разбросала по параллельным вселенным, и мы живем бок о бок, но не способны ни помочь друг другу, ни утешить. Страдание пожирает наши силы и энергию. Потому-то я и прилагаю столько сил, чтобы держать Бетти на расстоянии. Я должен поддерживать свою волю всеми силами и способами.

Жена ставит перед Пьером горячий шоколад, рассеянно гладит по волосам и протягивает ломтик хлеба. Пьер не реагирует – сидит и смотрит на чашку. Он как будто дует. На лице Бетти написано раздражение.

Внезапно я понимаю причину замешательства сына. До Бетти тоже доходит. На фаянсовом боку круглыми буквами написано имя – Жером. Бетти хватается чашку, начинает переливать шоколад в «правильную», но у нее так дрожат руки, что ничего не выходит. Она швы-

ряет обе чашки в мойку, мгновенно устыдившись своего жеста, беззвучно плачет, пытается собрать черепки от чашки Жерома, у нее ничего не выходит, и она выбегает из кухни.

Пьер так и не шелохнулся. Его щеки мокры от слез.

Я склоняюсь над ним, хочу положить руку на плечо.

– Ничего, Пьер, ничего.

Он отшатывается и молча уходит к себе.

Я смотрю на лежащую на столе газету: шейх Фейсал указывает на меня пальцем.

Статья называется «Новые подстрекательства». Больше я ничего прочесть не могу – в глазах стоят непролившиеся слезы.

* * *

Я встретил Бетти на вечеринке по случаю дня рождения, куда мы с друзьями не были приглашены.

Это был ее день рождения.

Мы приоделись для выхода: костюм-тройка, рубашка с воротником-стойкой и лакированные мокасины. Мелкая шпана из предместья, собравшаяся на ночную прогулку.

Мы отправились из Лиона в Вильфранш на дискотеку, где обычно праздновали удавшиеся мелкие кражи, решили не ехать по окружной, заблудились в Монт-д'Ор, а в довершение всех бед машина заглохла. Мы вышли, оставив Реми колдовать под капотом.

Вид нашего старенького «Пежо» оскорблял пейзаж со вписанными в него роскошными виллами. Мы покуривали, привалившись спинами к ограде дома, стоявшего в глубине ландшафтного сада. Теплый вечер был напоен ароматами свежей зелени.

– Черт, парни, я чую запах денег! – бросил Бартоло.

– Не стоит нам тут светиться, – ответил его кузен Вито. – Если кто-нибудь нас заметит, тут же вызовут легавых.

– И что? – отозвался Набиль. – Мы ничего не сделали.

Тут в разговор вступил Реми:

– Парни, я бессилен – головка блока цилиндров полетела.

Мы принялись обсуждать случившийся облом, решая, как будем продолжать вечер, и Вито кивком указал на стоявший в конце улицы дом.

– Глядите, там вроде праздник.

У ворот с кичливой позолотой остановились две тачки, из них вышли смеющиеся парни и девушки. Приемник в машине замолчал, и легкий вечерний бриз донес до нас приглушенные басы мелодии диско.

– Можем рискнуть и войти, – предложил Вито.

– Хочешь потанцевать с богатенькими? Да они нас и на порог не пустят! – Бартоло был настроен скептически.

– А мы не будем спрашивать разрешения! Войдем, и все. Прикид у нас подходящий, так что все прокатит. Давайте рискнем!

Идея показалась нам абсурдной. Мы, мелкие хулиганы из квартала Ле Тотем, пробуем просочиться на вечеринку? Да не просочиться, а войти через парадный подъезд! Обычно двери таких домов мы взламывали.

Окончательное решение принял, как обычно, Соломон.

– Чем мы рискуем? В худшем случае будет драчка. Вперед!

Никто никогда не оспаривал вердиктов Соломона. Его главенство в нашей шайке вначале основывалось на исключительной физической силе, но очень скоро и как-то незаметно

отношение Соломона к нам утвердило эту роль вожака. Мы были его семьей, его братьями и чувствовали, что он готов отдать за нас жизнь.

Перед домом мы на несколько минут остановились поболтать и перекинуться парой шуточек, после чего без малейших затруднений попали внутрь.

Мы здоровались и кивали тем, кто оборачивался при виде нас, и, как это ни странно, очень быстро оказались в большой гостиной, где шло веселье.

Обстановка была роскошная: высокие потолки, дорогие люстры, изящная мебель, картины на стенах, абстрактная скульптура.

Шикарной была и гулянка: элегантные молодые люди разговаривали с нарядными, красиво причесанными девушками, в буфете подавали разнообразнейшие закуски, слуги в livreeх разносили напитки, звучали мелодии диско и классика рока.

С восторгом маленького гавроша, попавшего в магазин игрушек, я открывал для себя эту роскошь, этот достаток, эту беззаботную веселость. Мелкому хулиганью из предместья все происходящее вокруг казалось чистым сюрреализмом.

– Черт, Вито, заткни пасть, – рыкнул Бартоло. – Мы из-за тебя засыплемся!

Впрочем, одежда и манера держаться уже нас выдали. Кое-кто из гостей с удивлением комментировал наше присутствие в доме.

– Может, попробуем проскользнуть в комнаты, поглядим, есть ли чем поживиться? – предложил Вито.

– Забудь, судя по их взглядам, легавые уже в пути, – ответил Набиль.

Собравшиеся смотрели на нас с высокомерным презрением. Мы не принадлежали к их среде, и наш так называемый хороший вкус в одежде не только не помог нам слиться с остальными гостями, но сразу нас выдал.

Я взбесился из-за того, что нас так быстро раскусили, и мне захотелось бросить вызов этим жалким снобам, смутить их. Мои друзья чувствовали то же самое. Гости перестали танцевать и тихо переговаривались.

В этот самый момент и появилась Бетти. Красотка в коротком платьице, подчеркивавшем изящество ее хрупкой фигуры. Черные волосы обрамляли идеальный овал лица. Зеленые глаза смотрели недоверчиво и дерзко.

– Думаю, я вас не приглашала, – бросила она, пытаясь говорить твердо, но я различил в ее голосе опаску.

Вито уже готов был пуститься в наглые лживые объяснения, но я его опередил:

– Не приглашали. Мы ехали мимо вашего дома, у нас сломалась машина, мы увидели, что у вас тут веселье, и понадеялись, что никто нас не вычислит.

Я вдруг успокоился, загипнотизированный взглядом бездонных глаз Бетти: казалось, она видит мою душу до самого дна и выискивает там оправдание для незваных гостей. Много позже она призналась, что влюбилась в меня в тот самый момент – я покорила ее нахальным самоуверенным видом и детской улыбкой, предложенной в качестве извинения.

– Не вычислят? – переспросила она. – В таком виде?

Я же понял, что хочу ее, когда она смерила пренебрежительным взглядом мой «выходной» наряд. Бетти была драгоценнейшим из сокровищ этого дома, и во мне сработал рефлекс закоренелого воришки: я хотел «присвоить» ее и утвердить свое превосходство над розоволицыми манерными ломаками, которых она позвала на свой праздник.

– А в чем дело? Что не так с нашими тряпками? – возмутился Реми. – Они фирменные, по полтиннику за штуку!

Бетти едва заметно улыбнулась, но глаз не отвела.

Я понял, что в ее отношении нет ни капли враждебности. Только желание утвердиться.

– Ну да, мы из разных миров, – признал я. – Для нашего мы отлично одеты. А в вашем... кажемся белыми воронами. Если хотите, чтобы мы ушли, проблем не будет.

Мой мягкий тон и сговорчивость удивили Бетти, мгновение она колебалась, глядя мне в глаза и оценивая намерения.

– Знаете что, если обещаете вести себя прилично, оставайтесь, – наконец решила она. – Можете выпить по стаканчику и вызвать техпомощь.

– Техпомощь? – шепотом изумился Реми. – Сказала бы еще – такси!

– Не тревожьтесь, мы хорошие ребята, – ответил я.

– И никогда не покушаемся на собственность тех, кто приглашает нас в гости, – счел нужным добавить Набиль.

– Да, мы тоже получили кое-какое воспитание, – вмешался я, чтобы перевести его слова в шутку.

Бетти сдвинула брови и скорчила очаровательную гримаску на манер голливудской актрисы, которая на пресс-конференции смеется любой шутке журналистов.

– Что у вас за банда? – спросила она.

– Банда друзей, поклявшихся до конца дней относиться друг к другу по-братски, – с вызовом бросил Вито, обняв нас с Реми за плечи огромными лапищами.

– Очень трогательно... – кратко прокомментировала Бетти, и я различил в ее голосе не только насмешку, но и интерес.

Она оставила нас и вернулась к гостям. Мы пили и обсуждали их тряпки и манеру танцевать, их спесь и красоту некоторых девушек. Как только зазвучали первые аккорды рока, мои друзья бросились приглашать тех, кого заранее высмотрели. Возникла неловкость, девицы колебались, их кавалеры злобно на нас поглядывали, но достаточно было согласиться одной, самой отчаянной, и ее примеру последовали остальные.

Реми, Бартоло, Набиль и Вито мгновенно стали королями танцпола, другие пары почувствовали себя смешными (некоторые именно так и выглядели) и образовали вокруг них круг. Этот танец стал суператтракционом, что явно обрадовало Бетти, и она подошла ко мне.

– Не хотите меня пригласить?

Контраст между претенциозным «выканьем» и банальностью предложения показался мне старомодным и прекрасным. Я привык общаться с девушками, которые не стеснялись в выражениях, всем тыкали и не гнушались крепкого словца.

– Не танцую, мне очень жаль, – ответил я.

– Хоть попытайтесь, мне ужасно хочется танцевать! – Бетти прикинулась обиженной и надула губки, как маленькая девочка.

– В танцах я не силен, зато умираю от желания заняться с вами любовью. Но вы вряд ли согласитесь.

Она расхохоталась, и ее смех был для меня сладким вином, согревшим душу и тело. Я жаждал взять ее лицо в свои ладони и коснуться губами ее губ. Я хотел владеть этим смехом, этим ртом и этими глазами. Свежий воздух прогнал все наносное, обнажив мою истинную натуру. Я понял, что создан для любви и уже никогда об этом не забуду.

– Элизабет! – представилась она и протянула руку.

– Даниэль, – ответил я, схватил ее в охапку и притянул к себе.

– Вы торопитесь, – шепнула она, когда мы оказались лицом к лицу друг с другом.

– Проблема в том, что я не знаю, как себя с вами вести: впервые в жизни знакомлюсь с Элизабет, хотя Бетти встречал – и не одну.

– А знаете, я терпеть не могу свое имя, – доверительным тоном сообщила она. – Бетти? Мне нравится!

Она со мной кокетничала.

– И я впервые выкаю девушке, которая мне нравится, – признался я. – Вы чувствуете, нас друг к другу... тянет.

– Какое самомнение! Вы всегда так прямолинейны?

– Частенько. Но тут особый случай. Если не скажу, что чувствую, упущу свой шанс: как только вечер закончится, вы вернетесь в свой мир, к вашим друзьям и забудете обо мне.

– Кто знает? – рассмеялась она.

Ее вопрос прозвучал как обещание.

* * *

– Алло, кто говорит?

Его голос несколько не изменился, как будто время над ним не властно, я словно наяву вижу его лицо, каким оно было двадцать лет назад.

– Соломон?

– Кто его спрашивает?

– Даниэль.

– Думаю, вы ошиблись.

Узнаю осторожного пройдоху.

В трубке тишина. Он хочет услышать «пароль».

– Даниэль Леман... Квартал Ле Тотем.

Я угадываю его удивление по короткой паузе, которая на мгновение сближает нас.

– Привет, Дани. Сколько лет... Откуда у тебя мой номер?

Соломон не был бы Соломоном, не задай он этот вопрос.

– Мне нужно с тобой увидеться.

Он отвечает не сразу.

– Я знаю, что случилось, Дани.

Соломон понял, зачем я звоню.

Я вешаю трубку: встреча назначена. Нервное напряжение, обручами сжимавшее тело, ослабевает. Мне стало немного легче.

Я наконец начинаю действовать.

* * *

– Папа, смотри!

Он делает несколько танцевальных па. Нечто среднее между джерком и хип-хопом.

Мой сын очень способный. Я всегда поражался тому, как он владеет телом. Любые физические упражнения и усилия были ему по плечу. Помню, как он впервые сел на двухколесный велосипед и сразу поехал – сам, без посторонней помощи. Решил – и сделал. А еще он элегантен от природы. Каждая его поза выглядит выверенной, отработанной.

– Кто научил тебя танцевать?

Он молча опускается на стул.

– Как-то раз, три или четыре года назад, ты спросил, каким спортом мы хотели бы заниматься.

– Помню, я задавал вам этот вопрос каждый год, в сентябре.

Он кивает.

– Ты ответил – футболом, как и твой брат.

– Да, правда.

Он пожимает плечами.

– Я боялся разочаровать тебя. На самом деле я хотел учиться танцевать.

Я потрясен его признанием.

– Нужно было сказать!

– А ты бы согласился?

– Конечно! Сам знаешь, я не фанат футбола, даже не смотрю матчи по телевизору!

Разве что самые важные.

Он на мгновение задумывается.

– Забавно... Иногда такого себе напридумашь... Я думал, ты надо мной посмеешься: парень – и вдруг танцы! Вообще-то я не собирался заниматься классическим балетом, мне больше нравился хип-хоп... но так и не решился признаться.

Мы молчим. Он сидит, прислонившись спиной к стене дома.

– Ты пишешь, папа?

Я вздрагиваю.

– О чем ты?

– Ты ведь всегда мечтал быть литератором. – Он поднимает глаза и отвечает на мое немое изумление. – Я знаю некоторые вещи – непонятно откуда.

– Да нет, не литератором. Я просто хотел писать.

– Так почему никогда не пытался?

Я вспоминаю самое начало нашей с Бетти совместной жизни: мы в комнате, ужасно хочется есть, но я не могу оторваться от книги и воображаю, как однажды возьмусь за перо и положу на бумагу историю. Мою историю.

– Я было начал. Написал... всякие глупости. Но мне нужно было работать, зарабатывать на жизнь. Вышло так, что я потерял свою мечту в гуще дел. Вот так. Время проходит, унося с собой наши мечты. Наверное, я просто не мог рассказать ничего интересного. Только страдания делают человека настоящим писателем.

– А теперь?

Не уверен, что понимаю точный смысл его вопроса. Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Мне очень нравились твои истории. Ты рассказывал их мне перед сном и в машине, когда мы отправлялись на каникулы.

– Придумывал не я, а мы, вместе.

– Да, конечно, ты начинал, а мы должны были продолжить. Маме это нравилось. Она никогда ничего не могла придумать. Помнишь, как мы смеялись? Особенно в конце, когда получалось бог знает что!

Мне кажется, что голос Жерома доносится откуда-то издалека. Так бывает в горячечных снах, где чередуются отрывистые звуки и смутные образы. Я осознаю странность ситуации. Почему он рядом? Почему время от времени приходит на закате поговорить со мной? И почему я никогда не удивляюсь его появлению?

Значит, варварские, бесчеловечные события вытолкнули меня за пределы жизни. Случилось невозможное, разметав в клочья основу, на которой я выстроил логику своего существования. И слова – носители образов, ценностей, смыслов – начинают размываться. Возможно, однажды они снова обретут форму, но уж точно не в тех местах, куда я их поставил.

Не знаю, угадал Жером мои мысли или нет, но он встал.

– Ложись спать, папа. Тебе завтра на работу.

Я улыбаюсь.

– Ты же не запретишь мне бодрствовать?

Он улыбается в ответ:

– Мне иногда кажется, что мы поменялись ролями. И это я должен тебя защищать. Я содрогаюсь.

– Защищать меня? Но от чего?

– Иди в дом и возьми книгу, – вместо ответа говорит он. – Я давно не видел, чтобы ты читал. А ведь писателям положено читать.

Он машет мне рукой и исчезает. Еще мгновение я чувствую его присутствие рядом с собой и пытаюсь во что бы то ни стало наполнить им душу.

Когда я решаюсь вернуться в дом, свет в гостиной уже не горит. Бетти отправилась спать.

Я продвигаюсь на ощупь, ищу фонарик. Натыкаюсь левой рукой на край столика, касаюсь какого-то предмета и едва не роняю тяжелую лампу. Зажигаю свет и вижу книгу: Джон Фанте. «Спроси у пыли». Мое первое потрясение от чтения.

Книга стояла на стеллаже. Может, Бетти взяла полистать и забыла поставить на место? Нет, она так не делает.

В рассеянном свете лампы мне чудится улыбка Жерома.

Жан

Комната была обставлена по-спартански: кровать, стол, стул, отгороженный туалет и маленькая душевая кабина. Дорога заняла сорок пять минут. Потом они волокли его по лестницам, втолкнули в квартиру, отвели в комнату и только тогда сняли с головы капюшон и вынули кляп. Он увидел двоих похитителей.

Здоровяк кинул его на кровать, сел сверху и расстегнул наручники.

Потом оба сняли капюшоны. Как Жан и думал, лица у них были восточного типа.

Здоровяку он бы дал лет двадцать. Темные глаза, густые брови и тонкогубый рот. Он выглядел нервным и агрессивным. Второй – того же возраста, пониже ростом, почти тщедушный, с мягким взглядом. Он старался не смотреть на заложника и словно бы сожалел о его присутствии в комнате.

Они говорили друг с другом по-арабски. Жан запомнил имена: здоровяка звали Аким, другого – Лагдар. Акцент он определить не смог.

– Раздевайся, – приказал Аким. – Одежду положишь в мешок. Вымойся. От тебя воняет, как от бродячего пса!

Лагдар протянул Жану мешок для мусора, Аким держал его на мушке.

Жан не имел ни малейшего желания сопротивляться. Что это даст? Он должен смиренно пройти свой путь до конца.

Жан начал раздеваться. Аким наблюдал за ним с явным отвращением, Лагдар смотрел в пол.

Кожу Жана покрывали темные пятна и струпья, от него исходило зловоние. Аким отвернулся, когда он снимал кальсоны, и Жан незаметно спрятал под матрас кожаный мешочек, который носил между свитером и тенниской. От страха он почти не дышал.

Аким кивком указал на душевую кабину.

Горячая вода и ароматное туалетное мыло принесли облегчение. В городских душевых, куда он иногда заходил помыться, особого комфорта не наблюдалось: требовалось мужество, чтобы мыться холодной водой в компании других бродяг.

Когда Жан вышел, Лагдар протянул ему полотенце. Мешок с его одеждой исчез, на кровати были разложены трусы, джинсы и белая майка.

При мысли, что умрет чистым, Жан улыбнулся.

Он оделся, и Аким пристегнул его руку к спинке кровати.

– Отдыхай, – насмешливо бросил он. – Тебя ждет ад, так что силы понадобятся.

Они вышли, оставив Жана одного в темноте.

Он не боялся смерти. Она была частью его истории, он почти привык к мысли о ней. Жан не собирался добровольно сдаваться безглазой на милость, но к встрече был готов. Живя на улице, он регулярно напивался, но топил в спиртном не мрачное будущее, а демонов и призраков прошлого.

Он знал, что однажды к нему явятся ангелы его персонального апокалипсиса. Оставалось дожидаться, глядя на небо. И пить, чтобы обмануть время и смешать воедино часы и литры, дни и ночи, кошмары и галлюцинации. Пить, чтобы забыть тот проклятый день, когда он должен был...

Он не поддался навязчивой идее: под рукой не было лекарства – бутылки.

Даниэль

Он сидит у двери, лицом к залу. Соломон похудел, волосы у него поредели. Черты лица кажутся более заурядными, но вид по-прежнему волевой и жесткий.

Любая шантрапа умеет распознавать истинную силу и никогда не судит о человеке по внешним признакам и проявлениям. Истинная сила скрыта во взгляде. Неистовый огонь в глазах говорит о решимости и жестокости человека, а иногда и о том, какой ад заключен в его душе и вырывается наружу при первых признаках противостояния, сметая все чувства, стирая улыбки, морщины и гримасы. Два настоящих подонка вступят в схватку друг с другом только в самом крайнем случае, если их к этому вынудят. Во всех иных ситуациях они с первого взгляда оценят авторитет, силу и историю противника, и один отступится – не чувствуя себя побежденным и не испытав позора.

Мы обмениваемся рукопожатием, и он притягивает меня к себе, чтобы обнять. Я прижимаюсь к его крепкому телу и неожиданно успокаиваюсь.

Он заказывает нам кофе. Несколько мгновений мы молча вглядываемся друг в друга. Он, как и я, вспоминает прошлое.

Я нарушаю неловкое молчание:

– Ты не слишком изменился.

Соломон выслушивает комплимент и подмигивает.

В обычной ситуации каждому было бы о чем рассказать другому, и каждая фраза наверняка начиналась бы со слов «А ты помнишь тот день, когда...». Но не теперь.

Внезапно его лицо каменеет.

– Я очень горевал, Даниэль.

Я коротко киваю.

– Они не люди, – продолжает он. – Человек смотрит врагу в лицо и дерется на равных. Не нападает на невинных, на детей. Как изменился мир, черт бы его побрал! Мы были шпаной, но соблюдали правила. Знали, что такое честь. Да у меня больше уважения к худшему из врагов, чем к вождю этих мерзавцев.

Он говорит о «нашем мире» и «наших правилах» так, словно я никогда не покидал банду. Его слова утешают меня, воссоздавая основу моей жизни, какой бы хрупкой она ни казалась. Но они же и ранят, напоминая, сколь глубоки мое беспамятство и неблагодарность. Я покинул Соломона и остальных, чтобы сочинить для себя новую жизнь. Я вычеркнул их из своей истории. Но я позвал, и Соломон пришел, как будто мы виделись только вчера. И я снова чувствую принадлежность к этой своей семье – давней и надежной. Неужели есть на свете кто-то, способный подхватить мои гниющие на солнце останки?

– У меня никогда не было врагов, Соломон. В юности мы просто развлекались. Мы были безумны и жаждали свободы, но ни с кем конкретно не враждовали. Сегодня у меня появился настоящий враг.

Он задумчиво кивает.

– Я догадываюсь, зачем ты здесь. Ты готов совершить ужасную глупость, Дани. Эти люди думают не как мы. Хочу, чтобы ты знал: я тебе помогу. Во всем, безо всяких условий. Но что бы ты ни задумал, это безумие. Что тебе о них известно? Ты собрал информацию? Легавые всех стран пытаются их отловить, но не преуспели, так почему должно получиться у тебя?

Вчера мы были друзьями, братьями, сообщниками, готовыми пожертвовать жизнью за друзей. Реми, Набил, Вито, Бартоло и я – мы составляли маленький замкнутый клан. Вокруг нас крутились другие мелкотравчатые негодяи, они участвовали в наших делах по

необходимости или родству душ. Соломон всегда был самым решительным, умным и умелым. Когда мы планировали кражу или стычку с другой бандой, он давал нам высказаться насчет деталей, даже поспорить, потом прерывал обсуждение, выдавал решение, и мы его не обсуждали.

– Мне нужно... оборудование.

– И только?

– И только.

Он вздергивает брови.

– Ты один?

Я киваю.

– Совсем рехнулся! – восклицает он. – У них наверняка мощная разветвленная организация...

– Не беспокойся, я знаю, что делаю. – Мой голос звучит твердо.

– Думаешь, я дам тебе в одиночку ввязаться в такое опасное и скользкое дело? Я всегда прикрывал ваши тылы!

– То было раньше, Соломон. Теперь нет ни банды, ни вожака. Только ты и я. И я прошу тебя оказать мне эту услугу.

Я оскорбил Соломона, низведя его до уровня обычного поставщика оружия. Он смотрит на меня не отрываясь, пытается угадать мои мысли. Он пока ничего не решил. Прикидывает риски, оценивает мою решимость, взвешивает, можно ли меня переубедить.

Соломон подносит чашку ко рту и медленно допивает кофе, по-прежнему не спуская с меня глаз, потом наконец спрашивает:

– Что тебе нужно?

* * *

Банда друзей сложилась в нашем квартале.

Я жил вдвоем с отцом. Он был честным, порядочным и славным человеком и пытался воспитывать меня в перерывах между двумя приступами депрессии. Мы с ним редко разговаривали. Он наблюдал за мной, думая, как установить контакт со смышленным, но скрытным ребенком. Я видел, что он пытается выразить свою привязанность, понимал его умолчания, но не знал, что чувствую сам – сыновнюю любовь или сострадание. Я справлялся лучше его, потому что знал в этой жизни только разлуку: мама умерла от рака, когда мне было два года. Отец же лелеял свою печаль, то и дело сравнивая нашу нынешнюю жизнь с прежней.

В детстве я сам вставал по утрам, сам завтракал, один шел в школу, обедал в буфете, делал уроки на продленке, возвращался домой, сам готовил ужин, после чего присоединялся к ребятам, которые собирались на лестницах. Нас тогда было много, но настоящими моими друзьями стали Соломон и Реми, а позже – Вито, Бартоло и Набиль. Мы вшестером играли, спорили, вместе выкурили наши первые сигареты. Как родилась эта близость, как стала такой сильной наша привязанность, почему я полюбил именно их? Мне трудно это объяснить. Помню только, что мы были детьми, но воображали себя взрослыми и застенчиво делились друг с другом невзгодами, трудностями и твердым намерением изменить жизнь.

Вываться за пределы означало для нас найти повод для веселья, испытать сильные эмоции и заработать денег. Деньги и девушки занимали нас тогда сильнее всего.

Найти подход к девушкам из квартала было нетрудно: мы знали, как с ними разговаривать, им нравились наши повадки рано повзрослевших хулиганов, наши мопеды, а потом и машины, на которых мы возили их в город выпить по стаканчику.

Деньги приходилось добывать там, где они водились. Мы начали воровать в магазинах подержанных вещей и у своего же окружения – в основном диски и тряпки. Позже мы стали навещать богатые кварталы, охотясь на велосипеды, неосторожно оставленные хозяевами в саду или на лестничных клетках. Это было очень легко.

Когда мы попадались, нам устраивали выволочку в комиссариате и отпускали, а если преступление было серьезным, полицейские вели нас домой, к родителям. Мы с Соломоном всегда честно называли свои имена, потому что не боялись предков, а вот Бартоло, Вито, Набиль и Реми рисковали получить несколько хороших затрещин – это в лучшем случае! В худшем их могли сильно избить или даже выпороть ремнем. Соломон ничем не рисковал, потому что был старшим из шести детей в семье, где мать с отцом не работали и жили на незаконные доходы сына. Моего отца целый день не было дома, а вечером он к телефону не подходил, так что оповестить его о преступлениях сына никто не мог. Если же он все-таки узнавал, что я провел час или два в комиссариате, то воспринимал это как свою вину и не ругал меня.

Помню, один раз полицейские позвонили отцу на работу и вызвали его. Обычно, стоило мне сказать, что мама умерла, полицейские ограничивались нравоучением и отводили домой, чтобы проверить мои слова. Но в тот день инспектор опознал во мне рецидивиста и попросил отца немедленно приехать.

Папа появился. Волосы у него были взъерошены, руки дрожали. Он был в панике, с трудом подбирая слова, не зная, что следует говорить в подобных обстоятельствах.

Когда мы дошли до дома, он остановился и посмотрел мне прямо в глаза.

– Мне очень жаль, – расстроено пробормотал он. – Я понимаю, что делаю не все, что должен... но я просто не знаю, что именно нужно делать. – Он пожал плечами и добавил: – Все должно было сложиться иначе.

Я тогда подумал – уж лучше бы надавал оплеух и наказал. Но папа был тихим человеком и просто не мог изобрести никаких суровых «санкций». Он хотел прожить другую жизнь, планировал быть отцом семейства, добытчиком денег, любящим мужем преданной жены, воспитывающей его сына. Преждевременная смерть моей мамы разрушила все его надежды.

Я ушел из дома в шестнадцать лет и поселился в сквороте вместе с Соломоном. Для меня ничего не изменилось: я по-прежнему сам решал все свои проблемы и общался с друзьями.

Для моего отца тоже все осталось по-старому, разве что ужин он теперь готовил себе сам.

* * *

Теперь у меня есть все необходимое. Я нахожусь у подножия стены. Меня охватывает возбуждение, оно смешивается с другими чувствами, разбавляет их, искажает. Я отправился в «Маленький Париж». Старая бессмысленная привычка, которой я всегда следовал, прежде чем принять серьезное решение. Я не раздумывал, ноги сами принесли меня туда. Я не сомневаюсь в том, что должен делать. Иного выхода нет.

Запах еды, алкоголя и табачного дыма, скрежет отодвигаемых стульев, блеск оцинкованной стойки бара, шершавые деревянные столешницы, гул голосов... мои чувства обострены, мозг выискивает мысли, способные оживить чувства.

Я сижу в углу и жду пробуждения себя прежнего – того, кто скажет, верный ли сделан выбор.

Но сегодня волшебство не работает. Я чужак, выпавший из времени. Я свободен от прошлого, в душе нет ни одного чувства, способного привязать меня к подлинному, но уже миновавшему мгновению.

Я потерял себя в тот момент, когда бомба разнесла в клочки моего сына. Разум я тоже утратил. И не удивляюсь, что бы со мной ни происходило.

Я вижу его, он со мной говорит, и это нормально. В тот день я лишился рассудка. Но именно безумие поддерживает мои последние силы.

У меня остались жена и другой сын, они ждут моего возвращения, караулят знак, слово, которые заставят их поверить в будущее, но я храню молчание, я погружен в себя, сосредоточен на своей цели. Эта цель несет меня, заставляет каждый день двигаться вперед, рисует картины ближайших событий. Я посвящаю себя смерти. Я больше не принадлежу этому миру, уже нет.

Жан

Его головные боли утихли. Они скоро вернутся и будут еще сильнее и опаснее, как только организм потребует привычную дозу алкоголя.

Он подумал о своей семье. Похитители знают, где они живут. Неужели им грозит опасность? Он успокоил себя, решив, что их наверняка защищают. Да и какой смысл вредить его близким?

Врагам нужен он.

Это его они разыскивали целых десять лет.

Собственная смерть Жана не волновала. Он всегда был уверен, что так все и закончится, только не знал, как именно его казнят. Перережут горло? Пристрелят? А как будут избавляться от тела? Жану хотелось надеяться, что они ограничатся холодной местью, спрячут тело, и семья будет ограждена от зловещей и бессмысленной посмертной встречи. К несчастью, сострадание его врагам было чуждо. Смерть они рассматривали как способ выдвинуть требование, а кровь – как чернила для написания своих агиток. Эти нелюди наверняка превратят казнь в целое действо и используют его в своих целях.

Жан сунул свободную руку под матрас и коснулся пальцами кожаного мешочка. Это его успокоило.

Внутри хранились последние предметы, которыми он дорожил. Фотография, несколько вырезок из газет, блокнот и документы. Он задумался, что со всем этим будет после его смерти. Ему была невыносима мысль, что похитители найдут их, будут рассматривать. Дело было не в том, что они узнают недостающие детали правды, которая частично им уже известна, а вторжение в его личное пространство. Он надеялся, что мешочек так и останется лежать под матрасом.

* * *

Когда Аким вошел в комнату, Жан лежал на боку, пытаясь унять сотрясающую тело дрожь.

– Что, выпить хочется? – язвительно поинтересовался громила.

Заложник не отзывался.

– Мог бы повернуться, когда я с тобой говорю! – угрожающе гаркнул Аким.

Жан был сосредоточен на своих мучениях, пытаясь сконцентрировать боль в какой-нибудь одной части тела.

– Живот болит? – притворно сочувственным тоном поинтересовался Аким.

Жан несколько раз судорожно вдохнул, и жестокий спазм скрутил его внутренности.

Аким ударил его ногой в солнечное сплетение, лишив доступа воздуха.

– А может, голова? – сладким тоном спросил Аким и отвесил узнику звучную оплеуху.

Жана вырвало прямо на постель.

– Чертов придурок! – взорвался Аким. – Даже сдержаться не можешь! Получил удар в брюхо – и тут же выдал все наружу! Думаешь, станем менять тебе матрас? Нет, собачий сын, будешь спать в собственной блевотине!

Он схватил Жана за волосы и макнул лицом в зловонную жижу, тот решил, что задохнется, но мучитель ослабил хватку, прижав его спину коленями к испачканной кровати.

– Ты больше не человек, не мужчина. Ты – пес. Полюбуйся на себя, келб¹!

¹ Собака (курд.).

Аким протянул ему зеркальце, но Жан отвернулся. Он много лет избегал смотреть на свое изображение.

– Не хочешь? Стыдишься? Да ты вообще помнишь, что такое стыд? Нет, ты грязный пес, как и все тебе подобные. Думаете, что свободны, совокупляетесь, как собаки, роетесь в дерьме, а мгновение спустя задираете голову и прыгаете на задних лапках за кусок сахара, пару монет или толику власти.

Жан попытался оказать сопротивление тюремщику и сесть, но тот усилил давление и не дал ему подняться с колен.

– Бунтуешь? Неужто не всю гордость растратил?

Последняя реплика Акима причинила Жану невыносимое страдание, гнев захлестнул душу. Он готов был умереть, но не терпеть подобные унижения.

– Подонок! – закричал он. – Что ты знаешь о гордости, стыде и чести? Бьешь связанного человека.

Аким дал ему пощечину и наклонился к самому лицу.

– Я бью не человека – животное. Называешь себя человеком после всего, что сделал? Мы нашли животное, тварь, спавшую в коробках, грязную пьяную скотину. Человек так себя не ведет.

В комнате появился Лагдар. Увиденное привело его в ярость, он начал ругаться по-арабски, поднял Жана, усадил на кровать и протянул ему полотенце.

Аким пожал плечами и придвинулся к самому лицу Жана.

– Келб, – прошептал он ему на ухо и вышел.

Даниэль

Трудней всего мне сейчас сопрягать миры моего существования: пропитавшийся атмосферой драмы дом, где я живу, опустив голову и ни на кого не глядя; работа с ее усыпляющей будничностью, где приходится соблюдать правила игры; мой растревоженный, измученный видениями рассудок.

Необходимость сопряжения этого множества разнообразных персонажей заставляет меня без конца изворачиваться и как-то справляться с непосильной задачей.

Я должен оставаться виноватым в глазах Бетти. Участвовать в создании новых семейных связей, в поиске нового равновесия, учитывающего исчезновение одного из близких, полагаясь на время и усталость от страдания, рано или поздно овладевающую всеми, кто потерял близкого человека. Я все это отвергаю. Не хочу ничего восстанавливать. Не сейчас. Вот и множу стратегии уклонения. Ухожу рано, возвращаюсь поздно, ем один, пряча лицо за газетой. Мое поведение выводит Бетти и Пьера из себя, и мы каждый день понемногу отдаляемся друг от друга. Приходится делать над собой нечеловеческие усилия, чтобы не броситься к их ногам, не заключить в объятия и не оплакать вместе с ними нашу утрату. Именно это лекарство нам сейчас и нужно: пролить слезы, отдаться истерии боли, чтобы излечиться, пережив катарсис. Но я сопротивляюсь. Правда, Пьера я стараюсь щадить, веду себя с ним мягко, нежно. Но он меня избегает, подражая матери, чем облегчает мою задачу.

На работе я легко прячусь за разными ипостасями собственной личности. Образ убитого горем человека позволяет хранить молчание, не участвовать в заседаниях, запираюсь в кабинете, избегая некоторых контактов и ситуаций, которые я не смог бы вынести. Работа помогает мне строить планы и готовиться к действиям, выходить, ездить, встречаться с людьми. Я все еще способен играть роль руководителя, интересующегося проектами подчиненных. Я должен продемонстрировать, что горе не повлияло на мою компетентность. Чтобы действовать, мне необходим мой статус и его возможности.

Больше всего проблем у меня с собственным рассудком. Его переполняют пугающие картины и нежные воспоминания, проблески жизни, дыхание смерти и сильные, но быстро гаснущие эмоции. Его сотрясают жестокие судороги, вызывающие растерянность и панические припадки. Я сошел бы с ума, если бы не островок ясности, где можно укрыться, дать себе отдых и спланировать акцию, которая меня освободит.

Но, может, этот островок и не островок вовсе, а острый риф, губительный для моего рассудка?

Может, я уже безумен?

* * *

За два года, что мы прожили в сквоте, наша дружба стала еще крепче. Мы вместе выросли, превращались в мужчин. Наша общая история составлялась из забавных происшествий, секретов, драк, смеха и слез, общих девушек. Будущее тоже было частью нашей тогдашней жизни, хотя планировали мы всего лишь на две-три кражи вперед.

Мы были семьей.

Вито разведывал место действия. Мы очень скоро перешли от мелкого хулиганства к кражам автомагнитол из машин, запаркованных на тихих улицах лионских пригородов.

Реми, Вито и Бартоло «седлали» мопеды, выжимающие после небольшой переделки 80 километров в час, занимали наблюдательный пост в конце улицы и караулили, пока мы с Соломоном, вооружившись искусно согнутыми стальными «плечиками», вскрывали

машины и забирали «товар», после чего прыгали на мопеды и все вместе возвращались домой. Этот этап операции был самым опасным: полицейские патрули отлавливали молодежные моторизованные банды.

Магнитолу можно было толкнуть франков за пятьдесят, а при везении – и за сто пятьдесят, в зависимости от марки, так что этот промысел был очень даже доходным и обеспечивал нам безбедное существование и возможность развлекаться.

Первое ограбление задумал Вито. Стоящий на отшибе дом пустовал – хозяева уехали в отпуск. Мы не удивились, когда наш друг выдвинул эту идею. Карьера банды развивалась вполне логично. Мы выросли, и нам пора было переходить от мелких краж к рискованным предприятиям – более выгодным и мужским. Мы не хотели становиться уличными дилерами, толкать дурь и травку, работая на «дядю», потому что очень дорожили независимостью. Решение было принято: ограбление со взломом занимает почетное место в преступной шкале ценностей...

Первое дело прошло легко и гладко, определив нашу специализацию. Взломав ставни на одном из окон, мы вырезали стекло и попали внутрь. Оделись мы во все черное, а на головы натянули капюшоны с прорезями для глаз. Нас переполняло какое-то новое, необычное возбуждение, когда мы крадучись переходили из одной уютной, богато обставленной – другими людьми! – комнаты в другую. Мы все еще оставались детьми и чувствовали пьянящую радость, участвуя в поисках сокровищ, открывали шкафы, шарили на полках и перекликались, если обнаруживали что-нибудь ценное. Добыча оказалась недурной – несколько дорогих украшений и много наличных, и это окончательно убедило нас в том, что грабеж – наше призвание.

* * *

Мне нужно уехать. Как можно скорее попасть в Лондон. Приблизиться к моей мишени. Только на месте я смогу продолжить намеченное. Кроме того, я боюсь, что моя решимость тает из-за того, что приходится все время сдерживать, маскировать свои чувства. Атмосфера в доме стала для меня невыносимой. Как и обстановка в агентстве.

Я долго размышлял, как объяснить необходимость командировки в британскую столицу. Анализ рынка позволил выявить предприятия, представляющие потенциальный интерес для агентства. Я знаю, что Салливан мечтает о продвижении в Европе, и смогу это использовать, чтобы объяснить неожиданную тягу к туманному Альбиону.

Салливан все еще окружает меня покровительственным вниманием, и меня корбит от этой приторной ласковости. Я очень хорошо знаю этого человека и не сомневаюсь, что в действительности ему глубоко плевать на мое горе. Случившееся со мной для него – инцидент, который он должен «разрулить», удобный случай продемонстрировать служащим агентства свою человечность, которой они долгие годы не замечали.

Ценности: это слово не сходит у него с языка. У агентства могла бы появиться этика. «Общность предназначения», связывающая мужчин и женщин, которые в нем работают, будет питаться его просвещенным и добродетельным взглядом на деловой мир. И мой статус жертвы помогает ему выставить в выгодном свете этот новый порядок. Я знал, что он упоминает мое имя на встречах со всеми контрагентами, говорит о моем беспримерном мужестве и плавно и незаметно переходит к собственной роли утешителя. Я стал знаковой фигурой фирмы «Салливан и партнеры» и олицетворяю собой все ценности, которые он хотел бы внести в хартию поведения: сила воли, храбрость, умение пройти испытание, стремление к успеху...

Мне донесли, что незадолго до моего возвращения на работу он даже разразился речью перед служащими и со слезами в голосе призвал коллег сплотиться вокруг меня, стать мне

еще одной семьей, помочь и поддержать. Говорят, он был убедителен. Дело не в искренности, просто этот съевший собаку в маркетинге человек угадал эмоциональные ожидания сотрудников. Все выразили готовность забыть, что Салливан – бессовестный патрон: он мог сделать каждого из них значительным, показать, как использовать случившееся себе на пользу – они ведь тоже имели к нему отношение, пусть и опосредованное! – и стать ангелами милосердия. Да, они помогут мне прийти в себя, будут очень стараться, не оставят одного в беде! Да, они были моей семьей – еще одной! – армия святых мужчин и святых женщин, жаждущих проявить свою заботу.

Но сострадание – всего лишь маска инертности, выражение неспособности действовать и быть полезным, лицемерие людей, предпочитающих «бонтонную» солидарность подлинной вовлеченности в дело.

Я знаю, потому что совсем недавно сам был таким.

* * *

Я целый час готовился к нашему первому свиданию, злясь на себя, что нервничаю, как мальчишка, и никак не могу выбрать одежду.

Я попытался уговорить себя, что будет лучше не выпендриваться и надеть джинсы, футболку и кожаную куртку. Но любовь вступала в противоречие со здравомыслием, хотелось соответствовать стандартам ее мира, и я нашел компромиссное решение – прямые брюки и нейтральную (на мой вкус!) рубашку.

Я пришел в «Маленький Париж», увидел, что Бетти надела джинсы, кеды и футболку, и мы посмеялись над нашей глупостью.

В тот день мы впервые поцеловались. Уточню – она меня поцеловала. Мы прогуливались по улице Мерсьер. Меня просто распирало от гордости – рядом со мной танцующей походкой шла настоящая красавица с гордо поднятой головой. Всех моих прежних подружек отличали агрессивная чувственность и недоверие к окружающему миру. Они, безусловно, лучше подходили такой шпане, как я, но с Бетти я чувствовал себя другим человеком. Я был открыт миру.

Она задавала вопросы о моей жизни, я отвечал, стараясь обойти молчанием то, что могло неприятно ее удивить или шокировать, и тут она вдруг совершенно неожиданно толкнула меня к стене и прижалась губами к моим губам. То, что я испытал, сравнить было не с чем, как будто раньше я ни разу не целовался с девушкой. Я чувствовал жар тела Бетти и все крепче сжимал ее в объятиях, чтобы ошеломляющее, пьянящее чувство навсегда пропитало мою плоть и мой дух.

Потом Бетти отступила на шаг, схватила меня за руку, и мы пошли дальше. Мое сердце бешено колотилось, хотелось кинуться бежать и признаться всему миру, что я счастлив, просто пьян от счастья. Я ограничился улыбками в адрес прохожих.

Бетти принимала меня за крутого, избалованного победами над женским полом парня и хотела выглядеть дерзкой, расстаться с ролью девочки из хорошей семьи. Мы молчали, пытались осмыслить эмоциональное потрясение. Я видел, что она смущена, и влюблялся все сильнее. Хотелось говорить, действовать, чтобы показать себя хозяином положения, но я не мог подобрать соответствующих моменту слов. Чтобы ничего не испортить, я увлек Бетти в проулок, притянул к себе и поцеловал. Я действовал порывисто, даже грубо, чтобы не разочаровать ее. Она дрожала, ей было страшно, и я решил закрепить преимущество.

– Сколько времени девушки вроде тебя маринуют своих парней, прежде чем лечь с ними в койку? – прошептал я ей на ухо.

В моем вопросе был вызов. Она поцеловала меня, вздохнула и прошептала:

– В теории – до самой свадьбы.

Бетти сделала паузу: она сразу пожалела о своей шутке, испугавшись, что я не пойму.

– Но, знаешь, теория в наши дни... – шепотом добавила она.

– Конечно, а потом, мы ведь все равно поженимся, – ответил я.

Слова сами сорвались с губ, но я произнес их на полном серьезе.

– С первого взгляда видно, что мы созданы друг для друга, – шутливым тоном согласилась она.

Теплое дыхание Бетти щекотало мне шею, она обнимала меня, прижимаясь всем телом, я чувствовал вкус ее губ, ощущал ее желание и купался в волшебстве момента.

– Как думаешь, сколько детей у нас будет? – спросил я, используя шутку как последний бастион, защищавший мою гордость, которая так быстро сдалась на милость победителя.

– Трое, – спокойно ответила Бетти, как будто ждала этого вопроса.

И еще теснее прижалась ко мне.

Возможно, мы бы и правда завели третьего ребенка, если бы...

Жан

Начался новый день, но Жану показалось, что он и не засыпал. Лагдар принес завтрак. За его спиной маячил ухмыляющийся Аким. Аппетита у заложника не было, жажда его не мучила, но ему хотелось почистить зубы и прополоскать рот, чтобы избавиться от едкого вкуса желчи во рту.

Лагдар протянул пленнику чашку, но Аким упредил ответный жест, смачно сплюнув в кофе.

Лагдар только головой покачал – ему надоели злые выходки сообщника.

– Давай, пей! – подзадорил улыбающийся Аким. – Никогда не поверю, что ты побрезгуешь, всего несколько дней назад ты добывал себе пропитание в помойных баках!

Жан не поддался на провокацию, вложив все свою ненависть в ответный взгляд.

– Что, сильно не нравлюсь? – поинтересовался мучитель.

Жан опустил голову, чтобы не спровоцировать насилия.

– Так вот, знай – ты мне отвратителен. Подобное падение оскорбляет Создателя.

– Оставь его, Аким! – не слишком убежденно приказал Лагдар.

– Ты думал о семье, когда с головой зарывался в грязь? Думал, что они скажут, если увидят, как ты напиваешься, блюешь, потеешь и воняешь?

– Не смей говорить о моей семье, – сорвался Жан и тут же пожалел, что так глупо купился.

– Ты мне запрещаешь? – с иронией в голосе спросил Аким. – Да кто ты такой, чтобы кому-нибудь что-нибудь запрещать? Чтобы запрещать, нужно иметь моральные ценности и принципы, соблюдать законы! Ты убиваешь святого, бросаешь семью, живешь на улице, ты – животное и что-то мне запрещаешь?

Жан хотел ответить, но его дух был слишком слаб, и слова негодяя подавили слабую попытку протеста. Он почувствовал, что ни на что не способен.

На пороге возник человек, который в день похищения сидел за рулем. Маски бандит не снял, но кофе в чистую чашку Жану налил: судя по всему, он видел, что случилось.

Главарь постоял несколько мгновений, не сводя с пленника черных глаз, потом вышел, так и не сказав ни слова. Аким и Лагдар, словно подчиняясь приказу, последовали за вожаком.

Жан остался в одиночестве. Он не мог знать истинных намерений похитителей и подумал, что приказ о ликвидации пока не отдан. Кто же решает его судьбу? Жан понимал, что смерть неизбежна, но не знал, когда это случится, и такая неопределенность мучила его сильнее всего.

Даниэль

Я живу в Лондоне уже неделю. Я приложил немало усилий и получил право на освоение бюджета «Спаркс». Нанятый внештатный сотрудник сопровождает меня на встречах, обобщает данные и готовит документы к совещаниям. Мне необходимо время для слежки за шейхом и выработки плана, который позволит подобраться к нему.

Я обосновал решение взять помощника, заявив, что ставки в игре очень высоки и мне необходим двуязычный консультант, иначе не получится уловить всю информацию, выдаваемую административной командой «Спаркс». Кейта я выбрал не только за профессиональные, но и за личные качества. Этот молодой человек напорист, но предельно сдержан: он не станет удивляться моему поведению – либо сделает вид, что ничего не замечает.

Я все чаще теряю контроль над собой, и меня это очень тревожит. Бывает, что я погружаюсь в сумеречное состояние среди дня и не могу отличить явь от кошмара, переживаю болезненно-тревожное расстройство. Мое душевное здоровье под угрозой. Нельзя расслабляться, вызывая недоумение и подозрения у окружающих, я не могу сорваться, иначе цель не будет достигнута.

Предполагалось, что я пробуду в Лондоне месяц. Неизвестно, хватит ли мне времени, но, если понадобится, я сумею задержаться.

Я нашел гостиницу на той улице, где живет шейх Фейсал. Из окна хорошо виден вход. Я распланировал график работы с клиентом на две недели вперед: в первые семь дней мы проводим встречи и рабочие заседания в первой половине дня, а в следующие семь – во второй. Это позволяет изучать передвижения моей мишени.

Я сижу у окна за шторами, выставив вперед длинноствольный объектив, и иногда чувствую себя то ли шпионом, то ли наемным убийцей из плохого триллера. Видимо, боюсь, что в скором времени стану таковым и в реальности.

* * *

Вчера утром я впервые увидел его воочию. Он вышел из дома в окружении телохранителей. Угрюмо оглядел улицу и быстро сел в роскошный автомобиль.

Странно, но я остался спокоен.

Я думал, что захлебнусь ненавистью, когда наконец увижу убийцу моего сына, и мне придется из последних сил сдерживаться, чтобы не поддаться порыву и не провалить дело. Вышло иначе. Осознав это, я решил, что мое бесстрашие сродни безмятежности воина, не сомневающегося в смысле порученного ему дела. Своего рода профессиональная реакция. Точно так же наемный убийца или снайпер умеют оставаться предельно собранными, чтобы сохранить ясность сознания.

Потом я понял, что через оконное стекло вижу его, как на экране телевизора, он выдернут из реальности. Он похож на свои собственные многожды виденные изображения, на которых я мысленно оттачивал ненависть. Я столько раз представлял шейха рядом с собой, что мог угадать цвет его глаз, почувствовать живое дыхание, ощутить холодный запах. По всем этим причинам далекое видение на другой стороне улицы показалось мне менее реальным, чем те, что жили в моем мозгу.

Я сломался во второй половине того же дня, когда он снова вышел из дома: стоял на ступенях крыльца в окружении друзей и чему-то смеялся. Его смех пробил брешь в защите, я ожидал встречи с чудовищем, а увидел человека. Как ни странно, человек показался мне куда омерзительней.

Моя душа переполнилась яростью, я не мог совладать с исступлением. Он все еще радуется успешному теракту, во время которого погиб мой сын, думал я. Он насмехается над нами, над нашим горем! Мне даже показалось, что он произнес наши с Жеромом имена. Меня качнуло, я схватился за спинку стула и закричал.

Как это возможно – убивать, а потом смеяться? Разве мыслимо быть убийцей и иметь друзей?

Я отказывался в это верить.

И лучшее тому доказательство я сам. У меня больше нет друзей, и я разучился смеяться.

Заранее.

Бетти задалась целью предложить мне другую жизнь.

Для возвращения блудного сына в общество она решила помочь мне оценить простые радости, честные удовольствия и законные устремления.

Бетти преуспела только потому, что, целуя ее, я покорно соглашался измениться, дорастаю до нашей любви и того будущего, которое она нам сулила. В тот день я сжимал в объятиях другой мир. Мир, в котором я стоил дороже мелких краж и выходок, приносящих мгновенное возбуждение, за которым неизбежно следовала душевная опустошенность.

Бетти все удавалось, потому что действовала она очень умно.

Она не противопоставляла свой мир моему, не пыталась опорочить моих друзей и разлучить нас. Ей было весело с маленькой бандой, она проявляла уважение, хотела убедить остальных в пользе перемен.

Она ничего мне не навязывала. Просто указала направление и позволила идти новыми путями, оглядываясь по сторонам и оценивая многообещающие возможности, а себе определила скромную роль штурмана. Она умело представила эту жизненную переменную как возможный и логичный результат моего опыта и жизненной ситуации. Лястя моему эго, поощряя честолюбие, Бетти помогла мне оценить альтернативы, где я мог бы пустить в ход волю, хитрость и мой, как она говорила, грубый ум.

Я медленно следовал за ней, постепенно отвыкая от прежних привычек и отдаляясь от приятелей.

Чтение стало одним из главных мостиков, перекинутых между мирами.

Бетти часто говорила о своих любимых авторах, рассказывала мне их биографии. Она действовала тонко, учла мою натуру и начала с тех, кто мог оказаться мне ближе других, выбрав хулиганов и бунтарей, «отклоняющихся» от нормы. Буковски, Фанте, Селин, Керуак. До знакомства с Бетти я, как дурак, думал, что литература создается одними буржуа для других, и вдруг обнаружил среди писателей алкоголиков, арестантов, забияк, ставших гениями, властителями дум, кумирами. Люди, чья жизнь была трудной и голодной, изгой могли вызвать трепет в душах образованных читателей, потому что писали, обмакивая перо в кровь собственных страданий и времени, в котором жили.

Оказалось, что существует страна, где правильно расставленные буквы могут изменить жизнь, заставить мое сердце биться сильнее, а душу – трепетать в ответном переживании. Я открывал эти новые земли, слушая, как Бетти пересказывает сцены из повестей и романов или читает тщательно подобранные отрывки.

Как только мне стало мало просто кивать в ответ и задавать вопросы, она подсунула мне роман Джона Фанте «Спроси у пыли». Я прочел его за одну ночь, обнаружив, что способен глотать страницу за страницей, борясь со сном. Простые, отточенные, как лезвие бритвы, слова ранили мне душу. Агрессивные образы воспринимались словно удар кулаком в лицо. Чтение превращалось в иную форму столкновения, и я уже не мог без него обойтись.

Моя ненасытность делала Бетти счастливой. Книг для борьбы с моим невежеством у нее было без счета! А я спешил наверстать упущенное и был готов проводить за книгами

дни напролет, стараясь компенсировать отставание, но требовалось еще и зарабатывать на жизнь. Как? Работать? Она предложила это как еще одну совершенно естественную идею.

«Коммерческое образование. Я все придумала и нашла. Ты умный, язык у тебя подвешен отлично, ты обаятельный, ты преуспеешь», – сказала она.

С тех пор Бетти ни разу не ошиблась насчет того, что для меня хорошо. И я ее слушался. Приятно чувствовать, что все помыслы и желания любимой женщины направлены на тебя. Раньше никого никогда не заботило, в чем я нуждаюсь, что делает меня счастливым. Теперь я жаждал новых ощущений. Она была моей подругой. Моей любовницей, моим наставником, моей наперсницей.

И моей матерью.

Она была моим островом.

Жан

Три дня.

Три дня без спиртного. Тело больше ему не подчинялось. Боль возникала внезапно, в самых неожиданных местах. Мышцы напрягались, жестокие судороги не давали шевельнуться. Руки и ноги беспрестанно дрожали, он то и дело складывался пополам, как от удара в живот, когда внутренности сводило спазмом. Казалось, каждая частичка его существа нуждается в алкогольном болеутоляющем. Мозг уподобился сухому ореху, бьющемуся о стенки скорлупы, одежда все время была влажной от пота. Он уже проходил курсы принудительной детоксикации: его запирали, накачивали лекарствами, а потом он с гордо поднятой головой возвращался на улицу. Одно было плохо – стоило проясниться мозгам, и терзавшие душу демоны возвращались, он хватался за бутылку и снова превращался в пьяницу, которого обитатели квартала звали Поэтом.

Жан свернулся калачиком, пытаюсь унять дурноту. Он стонал и задыхался.

Почему они его не убивают? Это должно прекратиться, он больше не выдержит!

Аким с явным удовольствием наблюдал за муками узника.

– Подонок! – закричал Жан в припадке неконтролируемой ярости. – Упиваешься чужим страданием! Что, не умеешь получить удовольствие иным способом?

– Я благословляю Всемогущего Аллаха за то, что никогда не уподоблюсь тебе, – ответил тот с привычной саркастической ухмылкой.

– Всемогущий Аллах? Тот, кто запрещает тебе пить вино и приказывает убивать во имя его?

Аким скривил рот в гримасе отвращения.

– Что ты в этом понимаешь? Ты жалкий пьянчужка и способен думать только о бутылке.

Жан хотел ответить, парировать, бросить в лицо мучителю едкие слова, разоблачить всю глупость и бессмысленность сражения, которому тот посвятил свою жизнь, но не стал. Изверг был прав: абстинентный синдром лишил его способности рассуждать здраво. Он вряд ли сумел бы произнести хоть одну связную фразу.

Несколько мгновений спустя появился Лагдар с лекарством и водой. Аким вмешиваться не стал: происходящее не вызывало у него ничего, кроме безразличия.

Жан с трудом проглотил таблетки, и ему стало легче: тело расслабилось, мысли пришли в порядок, он почти успокоился и решил «разобраться» с Акимом.

– Ну и? Говори, к чему приговорил меня твой Бог? Какая смерть меня ждет? Ведь именно Бог отдает тебе приказы, я не ошибся?

Аким подскочил к Жану и схватил его за волосы.

– Слушай внимательно, собачий сын: ты не в том положении, чтобы иронизировать!

– Зачем же так грубо? Ты ведь, кажется, солдат воинства Аллаха, значит, должен проявлять смирение... – произнес Жан, переняв высокомерный тон собеседника.

– Заткни пасть, ублюдок! – рявкнул Аким, оседлал узника и принялся душить его.

Задохнуться Жан не успел. Дверь с треском распахнулась, и в комнату влетел человек в маске. Мгновенно оценив происходящее, он кивком отдал приказ палачу, тот отпустил свою жертву и шумно удалился.

Главарь молча смотрел на пленника, а Жан тщетно пытался угадать по глазам его чувства.

– Кто вы? – в отчаянии выкрикнул он, но ответа не дождался.

Бандит вышел и запер за собой дверь.

Даниэль

Почему Жером больше не показывается? Он не говорил со мной с момента приезда в Лондон. Я ишу его в ночи, зову, умоляю прийти – тщетно. Видит ли он меня? Знает, что я здесь делаю? Неужели его отсутствие – знак неодобрения, несогласия?

Возможно, месть чужда его миру.

Она – атрибут моего мира.

Она стала единственным смыслом моего существования.

Я не смогу жить в обществе, где убийца моего сына все так же призывает убивать невинных. Не стоит обманывать себя: я не собираюсь спасать ни других детей, ни гражданских лиц, попавших в жернова межрелигиозных войн. Хуже того – мне известно, что смерть того, кто отдал приказ, ничего не изменит. Она почти лишена смысла, ибо его тут же заменит другой – претендентов на место боготворимого фанатиками религиозного лидера хоть отбавляй. Их много, и они эксплуатируют слабости наших старых демократий, собирают пожертвования якобы для финансирования культурных землячеств, топчут тротуары наших городов и заманивают в свои сети подростков, которые мучительно пытаются понять, кто они и какими идеалами хотят руководствоваться в жизни. Они не гнушаются общением с жадными до сенсаций СМИ и получают от них трибуну для своих проповедей. Они безнаказанно живут среди тех, кого называют врагами.

Неужто демократия позволяет насилию и страху чувствовать себя как дома на Западе, где люди ослеплены своим высокомерным гуманизмом? Нет, и еще раз нет.

Я хочу, чтобы эти люди тоже испытали страх. Пусть боятся и знают: на их преступления мы можем ответить не только пустыми декларациями о всеобщем равенстве и справедливости.

Я хочу, чтобы они принимали решения, ощущая реальную угрозу своей жизни.

Я хочу, чтобы они боялись родственников своих жертв.

Вздор! Все это вздор!

Я просто хочу смерти шейха.

Я не знаю, когда начну действовать. Записываю все, что вижу, слышу, читаю или воображаю насчет моей мишени: его характер и привычки, его подручные, его расписание, минуты отдыха, предполагаемые недостатки...

Я составляю сценарии, как совокупность доводов: сильные стороны, преимущества, нежелательные последствия и т. д.

Иногда я вдруг пугаюсь, что моя ненависть утратит силу между строками моих отчетов, растает за часы и дни, потраченные на размышления, анализ, оценку и разведку... Боюсь, как бы моя собственная организованность не угробила стихийный протест, превратив бойца в банального тактика. И когда повседневность понуждает меня сосредоточиться на ситуации, воспринять реальность при свете отвергнутого мной разума, я закрываю глаза и думаю о том дне, о телефонном звонке, о гробике с лохмотьями плоти, об отчаянии Бетти и Пьера. Я погружаюсь в скорбь и исторгаю из мозга даже самый слабый намек на рефлекссию, на чувства, способные утишить ненависть, и желание убить возвращается во всей его полноте.

Иногда хватает образа или слова, брошенного в сосуд моей боли, чтобы она вспаламенилась и наполнила меня силой.

* * *

Настал день, когда Бетти представила меня своей семье.

Первые полгода ей удавалось скрывать нашу связь от родителей. Потом она рассказала им обо мне, умолчав о некоторых деталях моей истории.

Отец бушевал, мать прикидывалась святой мученицей, изображая покорность страданию. Бетти, единственный ребенок, маменькина дочка, папина любимица, блестящая студентка юрфака с большим будущим, выбрала в спутники человека из низов. Так отреагировали на сообщение Бетти ее предки, и это при том, что они ничего не знали ни о моем прошлом, ни о друзьях, ни о том, куда я водил их дочь и с кем ее знакомил.

Когда они потребовали очного знакомства, с момента нашего первого поцелуя прошел год.

За ужином, о котором у меня остались самые унижительные воспоминания, я изо всех сил старался быть вежливым, предупредительным, умным. Позже я очень пожалел, что так изворачивался в попытке «сойти за своего», хотя именно эта моя досада на себя окончательно убедила Бетти, что я и есть мужчина ее жизни. Она сумела оценить, как сильно я поступился собственным человеческим достоинством.

Впрочем, попытка обаять родственников Бетти оказалась тщетной: в конце вечера отец предложил ей сделать выбор: они или я.

На следующий день она, вся в слезах, появилась на моем пороге с чемоданом в руке.

Я помню твои слезы, любимая, твое горячее, дрожащее крупной дрожью тело, судорожные всхлипы, маленький чемоданчик, которому так и не нашлось места среди моего барахла, затуманенный слезами взгляд, когда ты оглядывала мою квартирку. Оглядывала со страхом и надеждой, ибо теперь тебе предстояло здесь жить.

Помню, что подумал в тот момент обо всем, с чем ты расставалась ради меня.

Помню, как был счастлив, что ты выбрала меня, у которого из всех богатств были только любовь и страсть.

Помню, что ощутил небывалый прилив сил и поклялся, что верну тебе все, чем ты пожертвовала.

* * *

Каждые два-три дня я набираю номер Бетти. Знаю, что сама она звонить не будет, проживая часы и дни в попытке забыться.

Бетти редко отвечает на звонки, а если отвечает, старается побыстрее закончить разговор, и голос ее звучит тускло, невыразительно.

Пьер вообще отказывается общаться со мной и всякий раз находит предлог, чтобы улизнуть из комнаты, когда Бетти снимает трубку. Они не понимают, как я мог уехать за границу, и воспринимают это как дезертирство. Телефонное общение с семьей наполняет мою душу противоречивыми и губительными чувствами.

Но я не плачу и не злюсь.

Внешне я должен оставаться бесстрастным.

Насколько получится.

Все негативные эмоции я направляю на свою боль. Хочу превратить эту неудержимую энергию в поток ненависти и терпеливо хранить в ожидании великого дня.

* * *

Шейх выходит на улицу для очередной проповеди. Он поднимется на сооруженную перед крыльцом импровизированную сцену и, как обычно, обратится к сотне приверженцев. Я подошел, чтобы посмотреть на него вблизи и послушать.

Сегодня утром они установили и опробовали звуковую аппаратуру, как для банального выступления или уличного концерта. Все готово. Паства шейха собирается, люди обнимаются, обмениваются рукопожатиями, прикладывают руку к сердцу, шутят. Они напоминают обычных верующих, мирных отцов семейства. Но как только прозвучат первые слова, некоторые возбудятся, войдут в воинственный транс, слепой и злобный.

Ислам такого не заслуживает. Никакая религия не должна лишаться гуманистической составляющей из-за фанатизма тех, кто ее исповедует.

Двадцать лет назад Набиль рассказывал нам о Магомете, о его романтической жизни, послании истины, молитвы, мира и любви среди людей. Кое-кто слушал с иронической улыбкой. Другим нравилась идея могущества, которую олицетворял собой Пророк: сверхчеловек, взбунтовавшийся против общественных установлений, преданный своему делу лидер. Он воплощал образ верховного вождя для нашей маленькой банды, искавшей свой идеал. Пути, которыми мы следовали в поисках собственных ценностей, были, безусловно, не самыми прямыми, но мы оставались хорошими ребятами. Уравнение было элементарным: нам хотелось лучшей жизни, на нее требовались деньги, и мы знали, где их взять – у богатых. У нас не было политического сознания – только желание перераспределить блага. Но главное, мы хотели обрести семью, которая бы ничем не напоминала наши настоящие семьи. Позже я понял, что наша банда была еще и слепком общества со своей иерархией, правилами, организацией и системой финансирования, позволявшей нам существовать.

Некоторые адепты, окружившие импровизированные подмости, явно пришли сюда по тем же самым причинам. Им, по большому счету, нет дела ни до содержания речи, ни до целей оратора: они хотят сориентироваться, встретиться, узнать друг друга. Они думают, что внушаемый Западу страх – свидетельство силы, отражение идентичности, в которой им было отказано.

Но я не нахожу для этих людей ни одного смягчающего обстоятельства, потому что их присутствие придает легитимность слову этого безумца.

Он появляется под приветственные возгласы. Некоторые почтительно обнимают его. Он хранит серьезность. Оглядывает собравшихся суровым властным взглядом, и все умолкают. Трепет этих людей явно доставляет ему удовольствие.

Он начинает говорить – спокойным тоном, на арабском. Очень скоро темп речи ускоряется, он повышает голос, и слушатели возбуждаются. Великолепный актер. Он умеет завести толпу, ненавязчиво подтолкнуть ее к восприятию смутных идей, которыми торгует. Не знаю, что именно он пытается втолковать людям, но догадываюсь. Я изучал тексты его обличительных речей: начинает он всегда с религиозной полемики, помещая ее в исторический контекст, дабы придать легитимности. Потом в ход идут притчи и туманные намеки, символика мифов, ссылки на Коран. Так он устанавливает связь между святостью жизни Пророка и тем будущим, в котором, по его словам, все арабы объединятся, чтобы сокрушить неверных. Тут проповедь приобретает политический оттенок. Толпа созрела. Люди готовы повторять лозунги, выкрикивать слова ненависти.

Внезапно шейх замечает телеоператора с камерой и переходит на английский: чужой язык смягчает агрессивную тональность.

– О, арабская и исламская умма², тебя ожидает радостная весть! Грядет царство нашей веры. Моджахеды разогнали мрак, и свет этот оплачен ценой их крови. Они указывают нам путь. О, мои верные собратья, ваши сыновья жертвуют собой, чтобы в этом мире воцарился наш закон! Эти рыцари таухида³, воинство Царства Всевышнего, заставляют наших врагов дрожать от страха, сотрясают их престолы. Дуют ветры джихада, и очень скоро они прогонят прочь лицемерие народов, и воссияет свет нашей веры. Крестовые походы американцев, французов и британцев, топчущих землю Ирака и Афганистана, обречены на провал. Они объединились, потому что страшатся силы наших братьев. – Он на мгновение умолкает, оглядывает темными глазами толпу, оценивая произведенный эффект. Потом поворачивается к камере и угрожающе поднимает вверх указательный палец. – О, народы стран-крестоносцев, вы не слышали рыданий миллионов иракских детей, проигравших из-за эмбарго! Вы притворились, что плач палестинских детей – не ваше дело. А сегодня называете убийцами наших воинов, которые противостоят вам в Ираке, Афганистане и повсюду, куда вторгаются вedomые корыстным интересом армии неверных? Они – убийцы? Нет, они вооруженная рука нашего правосудия. Раненные вашим лицемерием, лишенные достоинства, ограбленные и униженные вашими солдатами, они предпочитают жертвовать жизнями во имя своей веры. Они – солдаты Пророка! Они пожертвовали жизнями ради Него! Он встретит их как героев, обнимет, усадит рядом с собой и одарит вечным счастьем!

В толпе раздалась одобрительные возгласы. Шейх отвернулся от оператора и бросил в лицо замороженной, загипнотизированной, готовой сорваться на крик толпе:

– Не слушайте нечестивцев, которые марают наших братьев! Их слова – не более чем проявление бессилия перед лицом нашей истины! Мы – жертвы! Но это скоро изменится, братья мои! Начнется новая эра. Та самая, что велел нам строить Пророк! Будьте же его разведчиками в потемках этого мира! Будьте его солдатами на поле битвы! Он станет вашим поводом в небесных долинах! Аллах Акбар!

Распаленные слушатели хором отвечают, и славословие в адрес Бога превращается в военный клич.

Я больше ничего не слышу. Не отрываясь смотрю на шейха, туда, где бьется его сердце, словно пытаюсь обрести силу убить его на расстоянии. Нужно было запастись дальнобойной снайперской винтовкой и застрелить его из окна номера. Охранники, не спускающие глаз с толпы и фасадов зданий, не успели бы меня остановить. Прицелиться в голову – чпок – и дело сделано.

Но моя месть должна быть иной. Убийца-проповедник не может погибнуть как герой. Он не обретет статус мученика, о котором так мечтает.

Нет, я хочу согнать этого человека с возведенного из ненависти пьедестала, поставить его на колени, заставить жрать прах.

Пусть перед смертью узнает, каково это – утратить человеческое достоинство.

* * *

Мы пережили тогда самые счастливые дни нашей жизни.

Главным для меня было образование, и я быстро стал лучшим в группе. Я сражался за Бэтти, и это придавало мне сил.

² Умма – арабское слово, означающее «сообщество» или «нация». В исламе *умма* – сообщество верующих.

³ Таухид – единобожие, единство Аллаха.

Днем я представлял себе, как она сидит за книгами при тусклом свете из фрамуги, и с трудом сдерживал желание выскочить из аудитории, рвануть к ней и зацеловать, обещая, что мы дождемся лучшей жизни.

Вечером я возвращался домой, где меня ждали счастливая, улыбающаяся Бетти и скромный ужин, накрытый на деревянном столике – другой мебели у меня не было.

Нам было хорошо вместе – мы смеялись, рассказывали друг другу истории из прошлого, мечтали о будущем, иногда поднимались на крышу посмотреть, как серое покрывало городского смога гасит свет дня.

Именно на крыше мы решили завести ребенка. И даже вообразили, что это будет мальчик. И я предложил назвать его Жеромом, в честь ее отца.

Жан

Жан спал, когда они вошли в комнату. Лекарства Лагдара позволяли ему ненадолго отключиться, и тогда его мышцы расслаблялись. Он приоткрыл один глаз, заметил, что вокруг царит непривычная суета, и тут же понял, что сейчас случится. Возбуждение похитителей, их лихорадочные взгляды, судорожные движения могли означать одно: его сейчас казнят.

Они начали выкрикивать арабские ругательства в лицо Жану, все больше заводя себя.

Лагдар совершенно переменился. Маленький тихий человечек уступил место воину, и этот воин искал в себе источник гнева и ненависти, ибо только так он мог подавить жалость и сострадание.

Жан в это время пытался оценить глубину своего страха, смешавшегося с изумлением из-за внезапного появления тюремщиков и их агрессивного поведения. Душа его взбунтовалась против природы овладевшего им чувства. К чему бояться конца, которого так долго ждал? Жан хотел одного – чтобы они перестали орать и сделали то, зачем пришли, в тишине.

Аким бросил на кровать мешок.

– Надевай! – рявкнул он.

Жан подчинился и увидел свои вонючие обноски, которые были на нем в момент похищения.

Он попробовал поймать взгляд Лагдара в надежде получить объяснение, поддержку, но тот, судя по прерывистому, судорожному дыханию, был явно не в себе.

Аким что-то выкрикнул и наставил на Жана оружие, чтобы он поторопился.

Пленник натянул одежду в застарелых пятнах разнообразной грязи и внезапно ощутил глухое отвращение к запахам, к которым вроде бы должен был привыкнуть за столько лет.

Подошедший Лагдар протянул руку к лицу узника, и Жан инстинктивно отшатнулся.

– Стоять! – зарычал Лагдар и прицелился Жану между глаз, а потом, к великому изумлению пленника, взъерошил ему волосы.

Аким, не переставая кричать, достал из спортивной сумки треногу и портативную видеокамеру. Жан все понял. Они собираются сделать одну из тех омерзительных записей, которые так часто используют террористы. Его заставят сыграть роль насмерть перепуганной жертвы, а себя выставят жестокими воинами, готовыми положить жизнь на алтарь победы своего дела.

Лагдар опустил капюшон и направил пистолет в лицо заложнику.

Аким тоже надел маску и вытащил из сумки саблю.

Жан содрогнулся, и дрожь тела передалась рассудку. Дыхание у него участилось. Они решили его обезглавить. Пистолеты нужны только для устрашения, а лезвие рассечет ему кожу, заставив кричать от боли, и умирать он будет медленно, в осознании ужаса мгновения. В памяти всплыла жуткая сцена казни американского журналиста, осознававшего реальность собственной гибели все время, пока ему перерезали горло. Момент возведенного в абсолют ужаса. Жан когда-то совершил ошибку, посмотрев видеозапись убийства в Интернете. Сцена навсегда врезалась в память, ранила сердце и еще очень долго не давала спать по ночам.

Он почувствовал зловещее дыхание страха, незамутненного и могущественного, обрушившегося на него стремительно, как выскочивший из-за угла убийца.

Появился третий похититель. В прорезях капюшона сверкали темные глаза. Не глядя на жертву, он подошел к камере. Его сообщники встали по бокам от осужденного. Жан чувствовал у горла холод стали и дуло пистолета у виска.

Главарь кивнул подручным и включил камеру. Террористы принялись что-то яростно выкрикивать, словно пытались найти в своем безумном неистовстве мужество, необходимое для победы над малодушием и подлостью, и войти в состояние транса, тогда грядущее убийство превратится в чисто механический жест.

Их доведенная до абсурда ярость усилила ужас Жана. Его трясло все сильнее, он сделал глубокий вдох и попытался укрыться внутри себя. В том месте, где сохранилось немного бывшего тепла, энергии или мужества, способных свернуть время и выбросить несколько страшных грядущих мгновений в иное измерение. Он опустил голову и закрыл глаза, чтобы забыть о приставленной к шее сабле, отринуть место и обстоятельства. Он заглянул в глубь своего разума, тела и сердца, но нашел там лишь собственный страх. Страх холодной жижей плескался в жилах, лишая его способности двигаться. Жан ненавидел себя за то, что поддался страху. Как бы ему хотелось оставаться гордым и холодно-невозмутимым, он ведь так ждал этого мгновения, готовился, даже призывал в алкогольном бреду. Лелея мысль о смерти, он убедил себя, что достиг душевного покоя, близкого к состоянию блаженства. Но в это мгновение он ощущал такой страх, какого и вообразить не мог. Закричит ли он, когда лезвие рассекает кожу? Будет ли молить палачей о пощаде? Каждый вопрос превращался в волну, уносившую его чуть дальше навстречу буре пошедших вразнос чувств. Он почувствовал, что теряет почву под ногами.

Жан открыл глаза и попытался уцепиться за реальность, не сдаться, остаться непоколебимым, сохранить достоинство. Он взглянул в объектив камеры. Кто увидит эти кадры? Узнают его или нет? Борода, длинные волосы, годы, условия, в которых он жил, сделали его неузнаваемым. Во всяком случае, он на это надеялся.

Жан встретился взглядом со стоявшим за камерой человеком и удивился его напряженности. Что это, ненависть? Патологическое любопытство? Все вместе плюс страх?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.